

На правах рукописи

Котов Вячеслав Георгиевич
СРЕДНИЙ И ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ ЮЖНОГО УРАЛА

Специальность 5.6.3. Археология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук

Барнаул – 2024

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном научном учреждении «Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук», в Ордена знак почета Институте истории, языка и литературы – обособленном подразделении.

Официальные оппоненты:

Колобова Ксения Анатольевна, доктор исторических наук, профессор РАН, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук», Отдел археологии каменного века, главный научный сотрудник.

Понкратова Ирина Юрьевна, доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный государственный университет», кафедра социальных и гуманитарных наук, профессор.

Тетенькин Алексей Владимирович, доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет», кафедра истории и философии, доцент.

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный педагогический университет».

Защита состоится 28 февраля 2025 г. в 10:00 часов на заседании диссертационного совета 24.2.269.01 при ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» по адресу: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина 61, ауд. 416.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»,
https://www.asu.ru/science/dissert/hist_diss/dokter/zaschitu_2024d/kotov/

Автореферат разослан « ____ » _____ 2024 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

Горбунов Вадим Владимирович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. В последние десятилетия достигнуты большие успехи в изучении древнекаменного века Урала [Археология..., 2021; Древняя история..., 2000; Павлов, 2012, 2015; Сериков, 1999, 2000, 2009; Мосин, 2000, 2019], в то же время палеолит Южного Урала остается малоизвестным для исследователей каменного века в России и за рубежом.

Южный Урал занимает ключевое положение в истории всего Уральского региона и прилегающих территорий Поволжья, Прикамья и Западной Сибири. Во многом особенность региона определяется расширением Уральского хребта, образованного меридионально вытянутыми хребтами. Горные массивы определяют климат всего региона и разнообразие ландшафтных зон. Во все исторические эпохи Южный Урал являлся наиболее предпочтительным местом охоты и своеобразным убежищем для людей и животных [Вахрушев, 1938; Карачаровский, 1951]. Это было особенно важно на ранних этапах человеческой истории. Кроме того, в историческом и географическом плане Уральский хребет выступал как своеобразный барьер, разделяющий природу и население Русской равнины со степным миром Зауралья и Западной Сибири. С другой стороны, Южный Урал был своеобразным перекрестком путей миграций животных и древнего населения с запада, востока, севера и юга [Савельев, 2011]. Все эти факторы были причиной сложных процессов культурогенеза на территории Южно-Уральского региона. Южно-Уральский регион в историко-географическом смысле близок Средней Азии и Кавказу, где в настоящее время выявлены многочисленные памятники нижнего и среднего палеолита. В этой связи в дискуссии по поводу первоначального заселения территории Урала памятники Южного Урала могут стать ключевыми для понимания этих процессов.

Благодаря настойчивым поискам М.В. Талицкого, О.Н. Бадера, В.Т. Петрина, Ю.Б. Серикова, П.Ю. Павлова, М.Ш. Галимовой, А.Ф. Мельничука, Э.Ю. Макарова и др. были открыты и исследованы стоянки с крупными коллекциями среднего и верхнего палеолита в Среднем Приуралье и Зауралье, что стало основанием для ряда обобщающих работ по палеолиту Уральского региона [Бадер, 1951, 1956, 1960, 1964; Галимова, 2001; Генинг, Петрин, 1985; Мельничук, 2011; Мельничук, Павлов, 1987; Павлов, 1996, 1997, 2009а, 2012; Петрин, Смирнов, 1977; Сериков, 1997, 2007]. Известные к концу 1980-х годов немногочисленные палеолитические стоянки Южного Урала привлекались лишь в качестве дополнения к этим материалам.

Автором были начаты систематические поиски палеолита на территории Южного Урала в начале 1990-х годов. В результате 30-летних исследований были открыты и изучены около сотни новых палеолитических памятников. Выявлены памятники раннего, среднего и верхнего палеолита, и

среди них стратифицированные стоянки с большими коллекциями. В связи с этим назрела потребность в систематизации и обобщении накопленного материала. Это позволит определить время и пути заселения территории Южного Урала в древности, особенности сложения автохтонного населения и характер взаимодействия с пришлым населением в различные периоды палеолита. Одна из проблем – это возможность преемственности между населением среднего и верхнего палеолита. Не менее сложным является установление времени появления пластинчатых индустрий на Южном Урале. Другой проблемой, которая стоит перед исследователями – существует ли общность памятников верхнего палеолита на Урале и если она есть, то каков характер этой общности. Исходя из этого, актуальность исследования детерминируется необходимостью решить проблемы, связанные с периодизацией, хронологией, выявлением культурных связей в палеолите Южного Урала и, в конечном итоге, интеграцией среднего и верхнего палеолита Южного Урала в общую картину палеолита Евразийского континента.

Степень изученности. В истории изучения палеолита на Южном Урале выделяются три этапа. На первом этапе краеведами с конца XIX в. и до начала 30-х гг. XX в. были сделаны отдельные находки каменного века и костей вымерших животных. Во время второго этапа, который продолжался с 30-х гг. по конец 80-х гг. XX в., палеолитическими экспедициями были открыты и изучены ряд памятников с небольшими коллекциями находок. Третий этап, – с начала 1990-х гг. по настоящее время, – начало систематического изучения палеолита на территории Южного Урала под руководством автора. Всего было открыто и изучено под руководством автора около сотни стоянок, в том числе, памятники с крупными собраниями находок всех периодов палеолита. Стоянки нижнего и среднего палеолита были за редким исключением обнаружены в Южном Зауралье. Верхнепалеолитические памятники – это в основном пещерные памятники в горной зоне Южного Урала. Большая часть памятников (около 80%) палеолита на Южном Урале были открыты и изучены автором.

Из этого понятно, что с начала двухтысячных годов и до недавнего времени на Южном Урале происходило открытие новых памятников палеолитического времени и осуществлялось осмысление этого материала. Поэтому в первых обобщающих работах Т.И. Щербаковой и П.Ю. Павлова с середины 1980-х гг. формирование концепций о времени и характере заселения Урала опиралась на памятники с богатыми коллекциями Среднего и Северного Урала (стоянки Талицкого, Бызовая, Черноезеро, Широфаново, Медвежья Пещера и др.) [Щербакова, 1986; Павлов, 1988]. Памятники с территории Южного Урала привлекались в контексте восприятия индустрии верхнего палеолита как единой для всего Урала культурной традиции [Павлов, 1988; 1996]. Со временем П.Ю. Павлов выдвинул концепцию сначала «среднеуральской», а затем единой «уральской культуры» верхнего палеолита, основываясь на материалах памятников конца верхнего палеолита

Урала [Павлов, 1997, с. 72; Павлов, 2001, с. 56]. Эту концепцию поддержала Т.И. Щербакова [Щербакова, 2001, с. 167]. Для подтверждения этой идеи исследователи порой субъективно выделяли из коллекций те или иные формы изделий, которые характеризовали их концептуальные установки. Например, Т.И. Щербакова не «увидела» на стоянке Талицкого резцы, бифасиальные орудия, ортогональные и дисковидные нуклеусы. Точно также и П.Ю. Павлом в каждом новом обобщении по верхнему палеолиту дополнял список признаков «уральской культуры», но упорно не хотел замечать среднепалеолитические формы, на которые указывал автор диссертации [Павлов, 2007, с. 77, 78; Котов, 2013в]. Другой проблемой являлись неточности в радиоуглеродных датах уральских стоянок, что приводило к ошибочным временным границам тех или иных этапов «уральской культуры» [Dublyansky et al., 2018]. Кроме того, были выявлены различными исследователями местные особенности памятников внутри единой общности верхнего палеолита Урала, что противоречило представлению о принадлежности всех памятников определенного периода к единой «уральской культуре» [Сериков, 2007, с. 84-85; Галимова, 2001, с. 85]. Для индустрий памятников раннего этапа верхнего палеолита П.Ю. Павловым и Т.И. Щербаковой постулировалось наличие характеристик среднего палеолита, и они воспринимались как переходные и миксовые [Щербакова, 2001, с. 167; Павлов, 2015, с. 51]. Вместе с тем, стоянки с представительным материалом среднего палеолита на территории Урала не были открыты, пока в 2019-2021 гг. не были изучены автором материалы из Южного Зауралья («кусимовский тип индустрии») [Котов и др., 2020б]. Только после этого появилась возможность понять нюансы процесса «перехода» материальной культуры Южно-Уральского населения от среднего к верхнему палеолиту. В целом же остаются дискуссионными вопросы о времени и путях заселения Урала. Не менее важно понять процесс взаимодействия населения Уральского региона с пришлыми группами в период верхнего палеолита [Павлов, 2015, с. 56]. Интересной и до конца не разработанной проблемой является присутствие в индустриях верхнего палеолита Урала набора изделий из камня и кости, которые станут отличительными признаками индустрий последующей мезолитической эпохи [Матюшин, 1976, с. 283]. На решение этих проблем и было нацелено данное исследование.

Целью работы является создания схемы культурно-исторических процессов в период палеолита в Южно-Уральском регионе и корреляция ее с культурно-историческими явлениями сопредельных и отдаленных территорий. В рамках этого решались следующие **задачи**:

1. Описать географические и палеогеографические характеристики Южно-Уральского региона.
2. Представить историю археологического изучения палеолита Южного Урала.

3. Рассмотреть проблему первоначального заселения территории Южного Урала в среднем палеолите.

4. Выявить культурные особенности памятников среднего палеолита.

5. Обозначить период сосуществования памятников среднего и верхнего палеолита на раннем этапе верхнего палеолита в Южно-Уральском регионе.

6. Охарактеризовать особенности культурогенеза Южно-Уральского населения в конце верхнего палеолита.

Объектом исследования являются культурные процессы, происходившие на территории Южного Урала в период палеолита: в хронологических рамках конца среднего неоплейстоцена (MIS 6) – финального неоплейстоцена (MIS 2), 130 тыс. л.н. – 11 тыс. л.н.

Предметом исследования стали археологические местонахождения, содержащие остатки материальной культуры палеолита на территории Южного Урала.

Территориальные рамки. Рассматриваются палеолитические местонахождения на территории Южного Урала и для сравнения привлекаются материалы палеолитических памятников из соседних регионов. Особенностью уральского региона являются уникальное географическое положение горных хребтов, вытянутых с юга на север. Это создавало барьерный эффект, с которым связаны особенности по климатическим и природным условиям между Приуральем и Зауральем. В рамках уральского региона Южный Урал выделяется тем, что здесь расположены самые высокие горы, образующие крупную горную систему.

Основная часть Южно-Уральского региона находится на территории Башкортостана, Челябинской и Оренбургской областей, а также сюда входит юго-восточная часть территории Татарстана, прилегающие территории Курганской области Российской Федерации, Западно-Казахстанской, Актыбинской и Кустанайской областей Казахстана. Восточная граница Южного Урала проходит по краю зауральского пенеплена, частично заходя в Курганскую область и Тургайское плато. На юге эта граница захватывает бассейны рек Орь, Илек и Эмба. Западная граница начинается от оз. Челкар и проходит по средней части Бугульминско-Белебеевской возвышенности до устья р. Белой. Северная граница Южно-Уральского региона пролегает по северной границе Башкортостана и Челябинской области [Савельев, 2011, с. 11].

Хронологические рамки исследования. Начальный этап исследования определяется возрастом стоянки среднего палеолита Кусимово-6. Естественно-научное изучение стоянки Кусимово-6 позволяет датировать этот памятник концом среднего неоплейстоцена 130-120 тыс. л.н. (MIS 6-5). Верхнюю границу отмечают памятники финала верхнего палеолита древностью 11–12 тыс. лет такие как: стоянка Троицкая I, местонахождение Малый Липовый, стоянка в пещере Заповедная и др.

Методология и методы исследования. Методология изучения каменных орудий заключается в философском анализе роли орудия труда в структуре человеческой деятельности, отраженном в классической философии. Исходя из этого анализа, становится понятным необходимость изучения каменных орудий в единстве его производства и употребления как системного явления. Опираясь на этот вывод, выделение типов орудий должно основываться на технико-морфологическом и функциональном анализе с целью приблизиться к пониманию «идеи орудия» древнего человека. Совокупность типов орудий как некоей системы и составляют облик той или иной культурной традиции. Обобщение этого знания в совокупности с пониманием особенностей хозяйства, природных условий и временных рамок дает основание для выделения неких социальных границ – археологической культуры [Аникович, 2007, с. 70].

Описание коллекций палеолитических памятников опиралось на методику комплексного анализа каменных орудий, разработанную Г.А. Бонч-Осмоловским [1940] и дополненную трудами последователей экспериментально-трассологического анализа С.А. Семенова [1957, 1968, 1983], В.Е. Щелинского [1974, 1975, 1977, 1981а, 1981б, 1983, 2015], А.К. Филиппова [1977а, 1977б, 1983], А.Е. Матюхина А.Е. [1983], Е.Ю. Гири [1997, 2015], П.Е. Нехорошева [1999].

За основу типологической классификации палеолитических изделий были взяты работы Ф. Борда [Bordes, 1988], В.П. Любина [1965, 1970, 1977], Коробкова [1971], И.И. Коробкова, М.М. Мансурова [1972], Н.К. Анисюткина [1972, 2017, 2019], Ю.Г. Колосова [1983], Г.И. Медведева [1981], А.П. Деревянко, С.В. Маркина и С.А. Васильева [1994] и др.

В процессе исследования археологических памятников использовались стратиграфический и планиграфический методы. В задаче характеристики исторического потенциала региона была опробована методика историко-географического анализа, разработанная в работах Н.С. Савельева [2011, 2017]. Датирование палеолитических местонахождений осуществлялось методами естественнонаучных дисциплин: радиоуглеродным, ОСЛ-датированием, палеомагнитным, спорово-пыльцевым, палеонтологическим, геолого-стратиграфическим, палеогеографическим (в привязке к речным или озерным террасам). Для местонахождений с разрушенным культурным слоем применялся технико-морфологический метод датировки коллекций [Коробков, 1965, 1971; Деревянко и др., 2001]. В процессе изучения коллекций каменных изделий применялись методы технико-морфологического, трассологического, экспериментального, статистического анализов. Для реконструкции охотничьего промысла использовались методы палеоэкологической реконструкции фауны, которые нашли отражение в публикациях (Иманай-1, Лабазы-1, Балатукай, Сергеевка-1, Акбута).

Источниковую базу диссертации составляют 110 археологических местонахождений, которые находятся на территории Южного Урала. Около 80% из них были открыты или заново обследованы автором, ряд памятников

впервые вводятся в научный оборот. Для лучшего понимания культурных процессов в различные эпохи палеолита нами привлекались для сравнения материалы памятников из других сопредельных регионов.

В диссертационном исследовании использовались опубликованные работы С.Н. Бибикова [1940, 1950], К.В. Сальникова [1950, 1952], О.Н. Бадера [1962, 1964, 1965], Г.Н. Матюшина [1976, 1985], В.Т. Петрина [1992], А.Р. Губайдуллиной [1981], В.Е. Щелинского [1997; 2001; 2016; Ščelinsij, Širokov, 1999], Т.И. Щербаковой [1986, 2001], П.Е. Нехорошева [Нехорошев, Гиря, 2004], В.С. Житенева [2006, 2007, 2007а, 2011б, 2012, 2014, 2017, 2018]. Автор с 1993 г. проводил самостоятельные исследования около сотни палеолитических памятников, которые были введены в научный оборот. Это стало основанием для сравнительно культурных исследований палеолитических памятников уральского региона.

Кроме этого, были изучены коллекции, хранящиеся в МАЭ им. Р.Г. Кузеева ЭИ УФИЦ РАН, в фондах БГОМ РБ, в фондах археологического музея Башкирского госуниверситета. Также использовались архивные фонды ИА РАН и ИИМК РАН. В работу вошли данные естественнонаучных исследований: радиоуглеродные датировки (ИГ БФ АН СССР, Уфа; лаборатории естественнонаучных методов ИИМК РАН, Санкт-Петербург; ИГ РАН, Москва; ВСЕГЕИ, г. Ленинград-Санкт-Петербург; Лаборатория радиоуглеродного датирования, Киев, Украина; Познаньская радиоуглеродная лаборатория, Университет Адама Мицкевича, Познань, Польша; ЦКП «Геохронология кайнозоя», Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия), фаунистические определения (ИЭРЖ УрО РАН, ИИМК РАН), данные спорово-пыльцевых исследований (ИГ УФИЦ РАН), данные трасологических исследований (работы автора).

Научная новизна исследования. Впервые на массовом материале с территории Южного Урала была показана картина появления и развития палеолитических индустриальных традиций среднего и верхнего палеолита, подтверждена общность между индустриями верхнего палеолита, как на территории Южного Урала, так и с индустриями сопредельных регионов.

1. Использованы новые методы исследования палеолитических, и в том числе, многослойных памятников на основе полной флотации отложений, с разборкой культурного слоя посредством зачисток, комплексный междисциплинарный характер изучения культурных отложений, морфологическая идентификация материалов проверялась экспериментальным моделированием и трасологическими исследованиями.

2. Впервые выдвинуто предположение о заселении территории Южного Урала в финале позднего этапа среднего – начала раннего этапа позднего неоплейстоцена носителями кусимовской традиции среднего палеолита (MIS 6-5).

3. Было впервые установлено достаточно продолжительное сосуществование в начальный период верхнего палеолита населения –

носителей пластинчатых индустрий верхнепалеолитического облика и двух индустрий среднего палеолита – нелеваллуазской и леваллуазской.

4. В результате всестороннего анализа собраний стоянок начала верхнего палеолита, было выдвинуто предположение о заселении Южного Урала в это время носителями отщепово-пластинчатых индустрий с территории Южной Сибири.

5. Выдвинута гипотеза о «миксовом» характере пластинчатой индустрии конца верхнего палеолита на Южном Урале, которая сформировалась в результате смешения пришлых групп из Южной Сибири или Средней Азии с местным уральским населением.

6. Обоснована идея о том, что индустрия памятников верхнего палеолита Южного Урала является составной частью верхнепалеолитической традиции Уральского региона, который входит как западная окраина обширного сибирского мира верхнепалеолитической культуры.

Теоретическая и практическая значимость работы. Предложена методология комплексного изучения орудий каменного века. Обоснована характеристика варианта нелеваллуазской индустрии (кусимовского типа) среднего палеолита на Южном Урале. Охарактеризован начальный этап заселения Южного Урала в среднем палеолите. Установлено продолжительное сосуществование различных групп – носителей среднепалеолитической и верхнепалеолитических индустрий на раннем этапе верхнего палеолита на Южном Урале. Зафиксирован в конце верхнего палеолита на Южном Урале смешанный характер материальной культуры: местный субстрат, сохранявший в индустрии пережиточные черты «среднего» палеолита, смешался с пришлым населением из Южной Сибири (индустрии типа стоянок Малая Сыя, Сабаниха, Куртак 5 и др.) или Средней Азии. Подтверждено предположение П.Ю. Павлова о существовании в верхнем палеолите на Урале единой общности, характеризующейся сходным набором технологических приемов и типов орудий. Продемонстрирована преемственность в индустрии между верхним палеолитом и мезолитом.

Материалы и выводы диссертационного исследования будут использованы в обобщающих работах по древней истории Урала, Поволжья и Западной Сибири, при написании учебников и в лекционных курсах по археологии и древней истории Урало-Поволжского региона, а также при создании музейных экспозиций, создании археологических карт и сводов памятников. Результаты исследований были представлены в томах «Башкирская энциклопедия», в 1-м томе «История Башкирского народа», в своде памятников «Древности Башкирского Урала», в коллективной монографии «Верования и культы древнего и средневекового населения Южного Урала».

Материалы диссертационного исследования использовались в лекционных курсах по каменному веку Башкортостана, прочитанных в БГУ, а также в рамках школьного лектория на базе археологической экспедиции «Яктыкуль-Кусимово» в 2019–2021 гг.

Степень достоверности и апробация результатов. На территории Южного Урала открыто и изучено 110 палеолитических памятников. Значительное число их – это стоянки с небольшими коллекциями или же со следами кратковременного посещения. В данной работе в основном привлекаются для анализа палеолитические местонахождения с представительными коллекциями. Преимущество отдается стратифицированным памятникам, которые выступают в качестве реперных. В ходе их изучения использовались данные естественнонаучных дисциплин: стратиграфии геологических отложений, спорово-пыльцевой анализ, гранулометрический анализ, палеонтологии, радиоуглеродного и палеомагнитного анализов. На ряде памятников были взяты образцы для ОСЛ датирования и проведены палеомагнитные исследования.

Подробный технико-морфологический анализ коллекций стратифицированных памятников с многочисленными коллекциями находок позволяет получить достаточно полную картину о структуре той или иной индустрии, что дает основание устанавливать с определенной уверенностью культурную принадлежность других местонахождений с малочисленными и компактными собраниями каменных изделий. Это в первую очередь касается памятников среднего палеолита, часть которых – это поверхностные местонахождения.

Для местонахождений среднего палеолита, а также для палеолитических памятников, индустрия которых основывалась на использовании «непревычного» сырья (кварцит, кварцито-песчаник, известняк, кальцит и др.), критерием достоверности артефактов из камня является, выявляемый углубленным технико-морфологическим анализом, системный характер их обработки, как то: подготовка ударной площадки, негативы предшествующих снятий, вторичная обработка, следы переоформления и пр., а также серийность тех или иных приемов и форм изделий. В таких случаях нами также использовались данные экспериментов, с помощью которых выяснялись особенности первичной и вторичной обработки на основе того или иного сырья. Кроме того, нами осуществлялось сравнение находок с естественными формами, что позволяло установить признаки искусственности при анализе находок в ходе раскопок.

Нередко решающий аргумент в пользу искусственности того или иного предмета мог дать только трасологический анализ, позволяющий зафиксировать следы обработки или использования изделия.

Для памятников позднего неоплейстоцена моложе 50 тыс. л.н. основным в установлении возраста культурных отложений является радиоуглеродный анализ древесного угля или костей животных. Как вспомогательный использовался стратиграфический метод, и методы датировок с помощью спорово-пыльцевого и фаунистического анализов.

Таким образом, достоверность палеолитических комплексов доказывается разнообразными и системными исследованиями не только в

рамках археологии, но и с привлечением данных естественнонаучных дисциплин.

Основные результаты и выводы диссертационного исследования докладывались на 15 международных, 13 всероссийских и 3 региональных научных конференциях в таких городах, как Москва, Санкт-Петербург, Париж, Тюбинген, Сыктывкар, Екатеринбург, Челябинск, Пермь, Уфа, Казань, Кемерово, Тобольск, Березники.

Основные положения работы опубликованы в шести монографиях и двух брошюрах, а также в 83 научных статьях, в том числе, 21 статья была опубликована в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК. Общий объём публикаций составляет 274,8 п.л., в том числе, авторский вклад – 214 п.л.

Положения, выносимые на защиту:

- в Южном Зауралье был сформирован своеобразный вариант нелеваллуазской индустрии среднего палеолита (кусимовский тип индустрии);
- установлено существование двух среднепалеолитических индустрий – нелеуваллуазской (кусимовской) в Южном Зауралье и леваллуазской в Южном Приуралье;
- выявлено достаточно продолжительное сосуществование, с 40 до 25–30 тыс. л.н., в среднем вюрме групп населения, являвшихся носителями среднепалеолитических и верхнепалеолитических технологий;
- выдвинуто предположение о появлении пластинчатых индустрий на Южном Урале всвязи с проникновением в начале верхнего палеолита населения из Южной Сибири;
- обоснована общность памятников конца верхнего палеолита на территории Уральского региона;
- технико-типологические особенности памятников говорят о сохранении верхнепалеолитическим населением технологии и орудийных форм «среднего» палеолита наряду с пластинчатой технологией и типами орудий верхнего палеолита;
- особенности технологии и орудийного набора Южно-Уральских памятников конца верхнего палеолита указывают на юго-восточное (южно-сибирское) происхождение культурного импульса, оказавшего влияние на аборигенное население в формировании и становлении своеобразной материальной культуры конца верхнего палеолита уральского региона;
- к концу верхнего палеолита появляются типы орудий, которые будут характерны для населения Южного Урала в последующие эпохи.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав и заключения, библиографического списка, списка сокращений, приложения 1, состоящего из таблиц, а также приложения 2, включающего планы, карты, рисунки и фотографии – всего 215 илл.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении раскрывается актуальность темы, степень ее изученности, определены цель и задачи, а также объект и предмет исследования, территориальные и хронологические рамки, методология и методы исследования, дана характеристика источниковой базы, обоснованы научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, степень ее достоверности и апробация, сформулированы положения, выносимые на защиту и приведена структура работы.

Глава 1. Палеогеография и география Южного Урала

Глава состоит из двух параграфов. В § 1 дана характеристика четвертичного периода в Южно-Уральском регионе. По данным четвертичной геологии Южно-Уральский регион в четвертичный период являлся внеледниковой областью. Современный рельеф региона формировался в эоплейстоцене, и этот процесс закончился в раннем неоплейстоцене. В конце эпохи раннего неоплейстоцена отмечена самая крупная Бакинская трансгрессия Палеокаспия, которая оказала сильное влияние на формирование речных террас и гидросети в Южно-Уральском регионе. Млекопитающие принадлежали хазарскому фаунистическому комплексу [Puchkov, Danukalova, 2009]. С воздействием водных потоков из-за трансгрессий Каспийского бассейна связана фрагментарность вблизи Уральских гор сохранившихся отложений эоплейстоцена, нижнего и среднего неоплейстоцена, что существенно затрудняет обнаружение палеолитических памятников.

В итоге на всем протяжении раннего и среднего неоплейстоцена на территории Южного Урала сформировалась современная гидросеть и ландшафты существенно не менялись: преобладали открытые пространства, в горах произрастали небольшие смешанные леса (ель, сосна, береза), в периоды потеплений увеличивалось количество широколиственных деревьев, в периоды похолоданий на высоких горах образовывались снежники и ледники [Данукалова, 2010]. Географическая и климатическая обстановка благоприятствовала проникновению древнего человека и сохранению населения в течение длительного времени. В конце среднего неоплейстоцена климат характеризовался как начало ледникового [Данукалова, 2010]. К эпохе среднего неоплейстоцена приурочен хазарский этап Палеокаспийского водоема, во время которого были две трансгрессии Палеокаспия: раннехазарская (300–200 тыс. лет назад) и позднехазарская (180–80 тыс. лет назад). В *горной части* они стали причиной формирования отложений второй надпойменной террасы. Очевидно, во время позднехазарской трансгрессии появилось в Южном Зауралье население, оставившее памятники типа Кусимово-6.

В позднем неоплейстоцене во время ранневалдайского похолодания восточная граница оледенения проходила западнее современных рек Волга и

Кама. В горах Южного Урала образовывались небольшие леднички, на равнинах сохранялась степная растительность, на склонах гор и в долинах произрастали древесные породы [Яхимович и др., 1981; 1983; 1985]. В средневалдайское время климат был умеренно теплым и влажным, в этот период активно формировались озерные отложения, на равнине образовывалась почва, млекопитающие принадлежали верхнепалеолитическому фаунистическому комплексу [Danukalova et al., 2002]. Поздневалдайское время отмечено максимумом оледенения, в результате Южное Приуралье оказалось областью глубокого сезонного промерзания, на водоразделах и в верхней части первых надпойменных террас стали отлагаться лессовидные суглинки [Danukalova, Yakovlev, 2006; Danukalova et al., 2008; 2009; Yakovlev et al., 2006]. На палеоклиматическую обстановку в Южно-Уральском регионе оказала Раннехвалынская трансгрессия каспийского бассейна [Янина, 2005; Свиточ, 2015]. На равнинах преобладали травянистые сообщества, в горах и долинах рек произрастали еловые леса с примесью берез [Danukalova et al., 2002; 2009; Данукалова и др., 2002]. Несмотря на относительно суровые климатические условия в этом периоде отмечена достаточно высокая концентрация населения, как на равнине, так и в горной местности.

Одной из отличительных черт региона являются специфические характеристики геологии Южного Урала, связанные с особенностями тектонической активности в эпоху плейстоцена: поднятие Уральских гор не сопровождалось формированием речных террас в Предуралье и в Зауралье, образование которых, в основном, было связано с колебаниями уровня Каспийского моря в те или иные периоды плейстоцена [Вербицкая, 1974].

В §2 описываются **географические особенности Южно-Уральского региона**. Приводится описание территории Южного Урала, ее географических особенностей и связанных с ними различных факторов, оказывавших влияния на растительный и животный мир, а также на человеческие коллективы. Здесь приведены такие факторы, как границы, внешней открытости, силы внутренних связей, трансзональное положение Уральских гор, Уральский хребет как трансуральская магистраль, характер речной и озерных систем, особенности климата.

В понятие «Южный Урал» с историко-географической точки зрения входят территории Башкортостана, Челябинской и Оренбургской областей, а также часть прилегающей территории Татарстана, Курганской области РФ, Западно-Казахстанской, Актюбинской и Кустанайской областей Казахстана. С востока условная граница Южного Урала проходит по краю зауральского пенеплена, захватывая часть равнины Курганской области и Тургайского плато. На юге эта граница должна охватывать бассейн крупнейших левых притоков р. Урал в его широтном течении: истоки рек Орь, Илек и Эмба. Западная граница региона проходит от оз. Челкар к северу по средней части Бугульминско-Белебеевской возвышенности, с конечной точкой в устье

р. Белой. Северная граница Южно-Уральского региона проходит по северной границе Башкортостана и Челябинской области.

Определяющим природно-географическим фактором Южно-Уральского региона является наличие крупной горной системы, которая в отличие от других участков Уральской горной системы представляет собой настоящую горную страну с цепочкой горных хребтов, вытянутых в меридиональном и широтном направлениях с юга на север на расстояние 700 км и с востока на запад на 150 км. Осью горной системы Южного Урала является хребет Урал-Тау. Средняя высота хребта 800–900 м, наивысшая точка – гора Арвяк-Рязь-Таш – 1068 м. Эти географические условия были причиной формирования в горах Южного Урала «меридиональной» природной поясности, существующей наряду с широтной природной зональностью, что приводило к смешению представителей животного и растительного мира разных природных зон. На Южном Урале леса с севера по горным хребтам далеко вдаются в степную зону, а со стороны Зауралья из-за барьерного характера Южно-Уральской горной системы, степи далеко заходят на север, в горах средняя температура ниже, чем на равнине и верхние части самых высоких хребтов и вершин покрыты тундрой. В результате этого лесные животные по горным хребтам проникали далеко на юг, а степные заходили в таежную зону. Одним из проявлений этого то, что в неоплейстоцене на Южном Урале фауна была необычайно разнообразна и относилась к «смешанному» типу, характерному для горно-лесных убежищ эпохи оледенения, как это известно в Крыму и на Кавказе [Карачаровский, 1951].

Плодородная полоса предгорий, обилие родников, малых рек и озер в межгорных долинах и в Зауралье, относительно труднодоступные и изолированные ландшафтные ниши с благоприятными условиями проживания, соседство открытых остепненных и облесенных пространств, разнообразие животного мира, неисчерпаемые источники кремня и яшмы – все это было важными факторами привлечения в этот регион человеческих коллективов в каменном веке.

Глава 2. История изучения палеолита Южного Урала. Методология исследований орудий каменного века

Глава подразделяется на два параграфа. В первом параграфе описана **история изучения палеолита Южного Урала**. Первые палеолитические памятники были открыты С.И. Бибиковым в 1938 г. [Бибиков, 1940; 1950]. В том же году М.В. Талицким была обнаружена и начато исследование стоянки открытого типа Островская в Прикамье [Талицкий, 1940]. В последующие годы на Южном Урале были исследованы ряд пещерных стоянок, которые существенно не изменили первоначальное представление ученых о незаселенности территории Урала в палеолите [Бибиков, 1950; Громов, 1950; Бадер, 1951; 1956]. Эта устоявшаяся точка зрения была поколеблена открытием наскальной живописи эпохи палеолита в пещере Шульган-Таш

(Каповой) в 1959 г., которое было сделано А.В. Рюминым [1961]. С 1960 г. начался период исследования палеолита Южного Урала, связанный с О.Н. Бадером. Им были открыты и исследованы ряд новых памятников: пещера Мурадымовская 1 (1960, 1971), стоянка Горново (1960, 1961), пещера Игнatieвская (Ямазы-Таш), Серпиевская 2 (Колокольная), грот у Каменного Кольца (1960), стоянка Мысовая (1970) [Шокуров, Бадер, 1960; Бадер, 1962; 1965; 1966; Бадер, Матюшин, 1973]. Исследователем мезолита Южного Урала Г.Н. Матюшиным были обнаружены три стоянки, которые им были интерпретированы как палеолитические: стоянка Айдос (1958), Ильмурзино, нижний слой (1976), Мысовая (1968) [Бадер, Матюшин, 1973; Матюшин, 1976; 1985]. Важнейшим открытием стало обнаружение настенных рисунков в пещере Игнatieвской группой под руководством В.Т. Петрина в 1980 г., исследование которой продолжалось им более десяти лет [Петрин, 1992]. С 1982 по 1991 гг. осуществлял комплексное изучение пещеры Шульган-Таш (Каповой) В.Е. Щелинский [Щелинский, 1997, 2001, 2016; Ščelinsij, Širokov, 1999]. В 1982 и 1985 гг. на стоянке Горново продолжила работы Т.И. Щербакова [1985, 1986]. Две небольшие экспедиции ею же были проведены в пещере Шульган-Таш (Каповой) в 2004 и 2005 гг. [Щербакова, 2006; 2007].

Автором систематические исследования палеолита в Южно-Уральском регионе ведутся с 1992 г. по настоящее время. Были открыты и исследованы десятки палеолитических памятников: пещера Заповедная [Котов, 1995; 1997а; 2001; 2012], пещеры Байсланташ (Акбутинская), Муйнакташ, грот Максютковский [Котов, 1999; 2000; 2001; 2004а; Морозов, Котов, 2001; Морозов, Котов, 2002; Косинцев и др., 2018], десятки памятников в Баймакском районе Башкортостана [Савельев, 1997; Котов, Савельев, 2001; Котов, 2015а], возобновлены исследование пещеры Шульган-Таш (Каповая) [Котов, 1997б; 1997в; 2000; 2007а; 2008; 2009; 2010а; 2010б; 2011; 2014а; 2016а; 2019; Котов, Савельев, 2021], стоянка Сергеевка-1 [Котов, 2009; Гимранов и др., 2012] и пещерной стоянки Иманай-1 [Котов, 2016; Котов и др., 2020а; Гимранов и др., 2021], а также других памятников на р. Нугуш в Мелеузовском районе Башкортостана [Котов и др., 2010; Котов, 2015а; Древности Башкирского Урала..., 2018], стоянка Кусимово-6 и другие палеолитические памятники в Абзелиловском районе Башкортостана [Котов и др., 2020б; Археологическая экспедиция Якты-Куль – Кусимово «Северные амуры», 2020] и др.

С 2006 г. на территории Южного Урала разведочные работы и небольшие раскопки проводит на реках Юрюзань и Ай, а также в пещере Шульган-Таш (Каповой) В.С. Житенев [2006, 2007, 2007а, 2011б, 2012, 2014, 2017].

Подводя итог истории изучения палеолита на Южном Урале, можно выделить три этапа. Первый укладывается в рамки от конца XIX в. до начала 30-х гг. XX в. – это период деятельности краеведов и археологов иной специализации. Второй этап – это период спорадического изучения региона отдельными палеолитическими экспедициями или палеолитчиками из других

научных центров, который продолжался с 30-х гг. по конец 80-х гг. XX в. Третий этап (с начала 1990-х гг. по настоящее время) связан с деятельностью уфимских палеолитчиков и сложением Южно-Уральского центра изучения каменного века.

Во втором параграфе рассмотрена **методология изучения орудий каменного века**. Основываясь на философском анализе места и роли орудия труда в структуре человеческой деятельности, постулируется необходимость изучения каменных орудий в единстве его производства и употребления как системного явления [Ильенков, 1961]. Системность исследуемого предмета требует и системного подхода при его анализе. В устойчивой форме какого-либо орудия воплощается обобщенное представление («идея орудия») об ее устойчивом употреблении при выполнении какого-либо конкретного вида деятельности в рамках определенного круга операций, объединенных одним предметом обработки (разделка туш, обработка шкур, выделка деревянных и костяных предметов) [Филиппов, 1977; Анисюткин, Филиппов, 1986].

В итоге приводится ряд положений методологического характера: выделение типов орудий должно основываться на технико-морфологическом и функциональном анализе с целью приблизиться к пониманию «идеи орудия» древнего человека; совокупность типов орудий и других проявлений человеческой активности и составляют облик той или иной культурной традиции; процентное соотношение типов орудий и изделий позволяет более точно зафиксировать культурные и стадияльные особенности, как отдельных памятников, так и культурных традиций.

В основу описания коллекций палеолитических памятников была положена методика комплексного описания каменных орудий, разработанная Г.А. Бонч-Осмоловским [1940] и дополненная трудами последователей экспериментально-трассологического анализа С.А. Семенова [1957, 1968, 1983], В.Е. Щелинского [1974, 1975, 1977, 1981a, 1981b, 1983, 2015], А.К. Филиппова [1977a, 1977b, 1983], А.Е. Матюхина [1983], Е.Ю. Гири [1997], П.Е. Нехорошева [1999] и др. За основу типологической классификации палеолитических изделий были взяты работы Ф. Борда [Bordes, 1961], В.П. Любина [1965, 1970, 1977], Ю.Г. Колосова [1983], Г.И. Медведева [1981], И.И. Коробкова, М.М. Мансурова [1972], А.П. Деревянко, С.В. Маркина и С.А. Васильева [1994], Н.К. Анисюткина [1973, 2005, 2017, 2019] и др.

Глава 3. Средний палеолит Южного Урала

Изучение памятников нижнего палеолита на территории региона еще только началось. Возможно, единственный пока памятник с фауной, имеющий надежные датировки – это Старо-Тукмаклинское местонахождение в Башкортостане [Шокуров, 1977]. В ходе исследований А.П. Шокуровым и О.Н. Бадером были собраны кости (зубы) мамонта, кости бизона, оленя, дикой лошади [Шокуров, 1977, с. 99], а также кости *Archaeodiskodon trogontherii* [Гарутт, 1985]. Для костеносного горизонта были получены

запредельная некалиброванная радиоуглеродная дата > 50 тыс. лет назад (БашГИ – 61) и палеомагнитная дата ~ 400 тыс. лет, а спорово-пыльцевой анализ культурных отложений показал степную и лесостепную растительность в условиях сухого теплого климата [Итоги биостратиграфических..., 1977].

На территории Южного Урала выявлены ряд палеолитических стоянок, предположительно, нижнего палеолита. Самым древним считается стоянка-мастерская Кызыл-яр-2 с индустрией ашельского облика в Южном Зауралье. Ее характеризуют крупные рубящие и двуручные орудия: рубила, кливеры, ручные топоры-цалди, скребла из яшмы [Котов, 2013б]. Стоянка-мастерская Карышкино-11 и другие сходные памятники также расположены в Южном Зауралье. Этот тип индустрии основывался на зауральском сырье (яшма, фтанит, кремнь, диабаз), но в основном, галечном. Ведущие формы представлены разнообразными рубящими орудиями: рубилами, пиками, чопперами, кливерами. Среди рубил присутствуют обушковые формы с естественными пятками или с продольными лезвиями и обушками [Котов, 2015].

Три памятника с изделиями из кварцитовых галек были обнаружены в горах Южного Урала. Первичная обработка характеризуется кубовидными, ортогональными, бессистемными, плоскими, двусторонними нуклеусами. Сколы аморфные, много первичных, ударные площадки гладкие, созданные одним сколом и естественные. Аморфные пластины представлены единичными находками. Среди орудий преобладают острия и резчики на сегментированных заготовках, реже встречаются угловые скребки, орудия с шипом, проколки, аморфные «резцы». Скребла образованы нуклевидной обработкой. Рубящие орудия представлены чопперами, пиками, кливерами [Котов, Румянцев, 2021].

Наличие древних стоянок, предположительно, нижнего палеолита свидетельствует о проникновении и освоении древним человеком территории Южного Урала во второй половине среднего плейстоцена.

В Южном Зауралье и в Приуралье были выявлены ряд памятников среднего палеолита. Изобилие и повсеместное распространение изотропного сырья для изготовления орудий в виде галек яшмы и фтанита в районе озер Банное, Сабакты, Карабалыкты было причиной необычно высокой концентрации памятников каменного века. Здесь в этом микрорайоне известно к настоящему времени 89 местонахождений эпохи камня, среди которых 80 стоянок и местонахождений относятся к неолиту-энеолиту и 9 – являются палеолитическими. Все голоценовые памятники приурочены к современным берегам озер Банное, Сабакты, Карабалыкты, Хулюктыкуль или рек и ручьев. Большинство их были обследованы или открыты автором. Для них характерна развитая пластинчато-отщеповая индустрия с правильными призматическими или конусовидными нуклеусами, шлифованными топорами, а также бифасиальными наконечниками разнообразной формы [Матюшин, 1982]. Палеолитические памятники

представлены отдельными находками, небольшими скоплениями находок, так и включениями в поверхностных местонахождениях, содержащих каменные артефакты поздних эпох. Среди них компактностью распространения, гомогенностью и насыщенностью находками выделяется стоянка-мастерская Кусимово-6.

1. Кусимовский тип индустрии выделен на материалах стоянки-мастерской **Кусимово-6**. Стоянка была выявлена в 2019 г. вблизи оз. Сабакты в Абзелиловском районе Башкортостана [Котов и др., 2020]. Это единственный стратифицированный палеолитический памятник в данном микрорайоне. Стоянка-мастерская Кусимово-6 имеет необычное расположение по сравнению с памятниками неолита-энеолита: она находится на небольшом возвышении высотой до 4-5 м над поверхностью долины, вытянутом с запада на восток на протяжении около 100 м, площадь памятника 60 × 160 м. Палеолитический памятник был выявлен в 2019 г. в ходе раскопок каменного кургана раннего железа Кусимово-3, поверх которого был заложен раскоп площадью 238 м² [Русланова, 2020].

В раскопе 1 и четырех шурфах была выявлена сходная стратиграфия: под гумусированной супесью мощностью 0,5 м залегал слой серовато-коричневого суглинка с доломитовой щебенкой и с прослойками галек и среднеокатанных кусков фтанита мощностью от 0,1 до 1 м, ниже залегают отложения желтовато-коричневого суглинка с включениями линз доломитовой крошки и щебенки мощностью от 0,1 до 0,8 м, он подстилается слоем желтовато-серовато-коричневой окаменевшей глины выявленной мощностью до 0,4 м. Были зафиксированы два культурных горизонта: первый был приурочен к слою серовато-коричневого суглинка с доломитовой щебенкой, а второй находился на 0,5 м ниже от поверхности желтоватого суглинка.

На стоянке Кусимово-6 и прилегающей территории Р.Г. Курмановым (ИГ УФИЦ РАН) были проведены палеоэкологические исследования, что позволило реконструировать ландшафтную и климатическую обстановку. Полученный палиноспектр из серовато-коричневого суглинка с находками среднего палеолита стоянки Кусимово-6 характеризует лесостепные ландшафты. В изученный период времени были распространены пойменные березовые и ивовые леса. В примеси встречалась сосна, лещина, вяз и ольха. На опушках и влажных участках росли папоротники, плауны и зеленые мхи. Открытые пространства занимали злаково-разнотравные сообщества. Нарушенные территории зарастали рудеральными растениями (маревые, полынь, бодяк, крапива и конопля). Наличие в спектре пыльцы пасквальных растений (горец птичий) указывает на вытаптывание. Климат был умеренно влажным и теплым. В подстилающих отложениях желтоватого суглинка также были выявлены лесостепные ландшафты. В основании этого слоя доминировали ивовые леса с примесью мелколиственных (береза, ольха), широколиственных (лещина, вяз, липа, клен) и хвойных (сосна), открытые пространства заняты злаками, степным и луговым разнотравьем, климат был

умеренно влажным и теплым. В верхней части слоя отмечено увеличение открытых пространств, доминируют ивовые леса, климат становится более сухим и прохладным.

В основании серовато-коричневого суглинка выявлены многочисленные клинья, очевидно морозобойного происхождения, которые указывают на то, что слой был деформирован во время оледенения, и эти процессы сопровождались катастрофическими явлениями резкого подъема уровня воды в озере Якты-куль-Сабакты и перемещении больших масс галечного материала и кусков кремнистых пород с вершин близлежащего хребта, где находятся их выходы. Наличие отложений слоя гальки на поверхности мыса говорит о том, что он находился в прибойной зоне и в период существования палеолитической стоянки он являлся берегом палео-озера Якты-Куль – Сабакты. Сходная картина образования озер в нижнем и среднем плейстоцене зафиксирована в других местах Южного Зауралья [Казаков 2017, с. 64; 2018].

Предположительно, эти процессы могли быть ледниковыми проявлениями климата в конце среднего неоплейстоцена во время московского похолодания (MIS 6): в это время ледниковый щит подходил наиболее близко к Южному Уралу, что сопровождалось распространением мерзлотных процессов даже в Южном Зауралье. Кроме того, в этот период времени происходила Позднешхвалынская трансгрессия Палеокаспия и локальные оледенения в горных районах, сопровождаемые процессами сноса с вершин хребтов в долины обломочного материала и формирования вторых надпойменных террас [Данукалова, 2010, с. 116–117]. В последующие эпохи воздействие озера прекратилось и в этой денудационной зоне все перекрывающие отложения, очевидно, были смыты или рассеяны ветром, а среднеплейстоценовые остались лишь потому, что они были скреплены суглинком со щебнем и перекрыты галечным слоем. И только в эпоху голоцена поверх них образовался слой гумуса.

На контакте серовато-коричневого и желтоватого суглинков была получена в лаборатории ОСЛ датирования ВСЕГЕИ ОСЛ дата 258 ± 13 тыс. л.н. (RGI-1103), второй образец из основания желтоватого суглинка имеет возраст 136 ± 9 тыс. л.н. (RGI-1104). Последняя дата считается более надежной, и она определяет возраст нижнего культурного горизонта от 130 до 200 тыс. л.н. (MIS 7), соответственно, слой серовато-коричневого суглинка может быть датирован в пределах 130–120 тыс. л.н. (MIS 6-5).

Всего на стоянке-мастерской было обнаружено 2219 экз. каменных изделий. Изучение коллекции показало, что в ней отсутствуют изделия мезолита-энеолита (правильные призматические, конусовидные, карандашевидные нуклеусы, пластины и пластинки с регулярной огранкой, наконечники стрел и пр.). Кроме того, коллекция демонстрирует единые принципы технико-типологических характеристик каменной индустрии, что позволяет говорить о гомогенности всей коллекции.

Индустрия стоянки характеризуется следующими чертами: в качестве сырья выступали гальки, также слабо или средне окатанные куски кремнистой породы - фтанита. Отличительной чертой первичной обработки – является преобладание нуклеусов ортогонального (15 экз. – 6%), радиального (10 экз. – 4%) и бессистемного (41 экз. – 16%) типов скалывания. Для этой традиции свойственно использование мелкоразмерного сырья и заготовок.

Сколов обнаружено 1763 экз. Сколы с естественными ударными площадками (584 экз. – 33 %) и галечной коркой на спинке (630 экз. – 35,6 %). Отщепов с точечной ударной площадкой – 305 экз. (17 %), с гладкой ударной площадкой, созданной одним сколом – 212 экз. (12 %), с двугранными площадками – 106 экз. (6 %), грубо фасетированных насчитывается 44 экз. (2,5 %), тонко фасетированные ударные площадки единичны. Сколов, которые имеют удаленные ударные площадки вместе с ударными бугорками – 388 экз. (22 %).

Вторичная обработка характеризуется использованием различной ретуши, резцовых сколов, анкошей, фрагментирования, оббивки. В большинстве случаев применялась однорядная, отвесная, крутая и полукрутая, чешуйчатая, краевая ретушь. Нередко при отделке орудий применялись утоньшение спинок или же ударных бугорков. Часто применялся прием рассечения отщепа торцевым ударом, кроме этого, углы резчиков зачастую подправлялись подтеской, которая также часто имела характер резцовых сколов.

Всего в коллекции было выявлено 479 экз. орудий. Среди бифасиальных орудий представлены: рубила – 5 экз., остроконечник – 1 экз., обушковые ножи – 13 экз. Двусторонней обработкой оформлялись рабочие участки резчиков, проколов, острий, орудий с шипом, клювовидных, выемчатых орудий, скребков.

Резчики – 98 экз. (20% от всех орудий). Встречаются орудия с двумя рабочими кромками.

Серийно представлены орудия с резцовыми сколами – 47 экз. (9,8 % от всех орудий): ретушные, боковые, латеральные, срединные, многофасеточные, клювовидные, тройные. Присутствуют комбинированные орудия: орудие с резцовым сколом-нож, орудия с резцовым сколом-резчик, орудие с шипом-орудие с резцовым сколом. Все эти изделия с резцовыми сколами по технико-типологическим характеристикам и функции являются резчиками с подтеской рабочего участка.

Среди скребел (29 экз. – 6% от всех орудий) преобладают простые, с выпуклыми лезвиями, реже встречаются с прямыми продольными (7 экз.) и поперечными лезвиями с отвесной ретушью (2 экз.), конвергентные (5 экз.) и одно двойное. Большим разнообразием отличаются скребки (17 экз. – 3,5%): присутствуют боковой, прямой, двойной, стрельчатый, вентральные (2 экз.), с носиком, микроскребок. Зафиксированы комбинированные орудия: скребок-резчик, два скребка-острия.

Клювовидных орудий – 4 экз., орудий с шипом – 53 экз. (11%), проколов – 6 экз., острий – 21 экз. (4,3%), зубчатых – 2 экз. и выемчатых орудий – 7 экз.

Все особенности коллекции характеризуют ее как среднепалеолитическую. Памятники кусимовского типа индустрии были представлены в Южном Зауралье, в основном, это были открытые местонахождения с небольшими коллекциями: местонахождения Долина-1, Долина-11, Утюльган-8, Сибай-56 и др. Предположительно, к этой традиции относится стоянка Богдановка.

Стоянка Богдановка расположена на левом берегу р. Урал, в Кизильском районе Челябинской области, в 150 км к югу от г. Магнитогорска. Стоянка была открыта в 1988 г. В.Н. Широковым, Э.К. Касимовым и А.И. Варовым. В 1989 г. были осуществлены раскопки памятника под руководством В.Н. Широкова [Широков, 1989; Широков, Волков, 2001; Широков и др., 2011]. Было установлено, что кости животных и находки залегали на протяжении 60 м в склоновых отложениях берега р. Урал в слое серовато-желтого суглинка на глубине 6,6 м от современной поверхности. Площадь раскопа составила 40 м². Всего было обнаружено 1864 экз. каменных изделий, из которых 1810 экз. – это отходы производства – отщепы и чешуйки. Сырьем послужили яшмы серого цвета, реже кремнистый сланец, красная яшма, фтанит черного цвета и туфит.

Нуклеусы и нуклевидные изделия – 4 экз. Среди них: нуклеус монофронтальный, двухплощадочный, параллельного скалывания; нуклеус плоский, радиального скалывания, округлой в плане формы, площадки грубо ретушированные, тыльная сторона сохраняет галечную корку; нуклеус плоский, многоплощадочный, перекрестно-ортогонального скалывания. По ныряющему сколу реконструируется нуклеус двухплощадочный, двухсторонний, параллельного скалывания. Орудие для обработки орудий характеризуется молотком-отбойником на продолговатой гальке.

Большое сходство памятник имеет со стоянкой Кусимово-6 в характеристике заготовок и отходов производства. Всего было обнаружено отщепов – 460 экз. (24,7%) и чешуек и осколков – 1350 экз. (72,4%). Больше половины их (54%) полупервичных, 36% вторичных и 10% первичных. Сколов с естественными ударными площадками 30,8%, с гладкими 23,1%, фасетированных и двугранных по 10%, точечных 2,6%, проксимальная часть отсутствует у 33% заготовок. У более трети заготовок (35,9%) была удалена дистальная часть. Сколы по форме огранки спинки различаются следующим образом: ортогональная – 35,9%; продольная – 30,8%; бипродольная – 7,7%; гладкая – 7,7%; подперекрестная – 5,1%; перпендикулярная – 2,6% [Широков и др., 2011].

Орудий – 40 экз. В коллекции присутствуют скребла (11 экз.), которые представлены следующими типами: продольными прямыми (3 экз.), выпуклыми (2 экз.), вогнутым (1 экз.), выпукло-вогнутым с клювовидным острием, выделенным бифасиальной ретушью (1 экз.), диагональными (2

экз.), угловатым (1 экз.), овальное скребло (лимас) с бифасиальной обработкой (1 экз.). Остроконечник мустьерский, ассиметричный, листовидной формы с прямым основанием на леваллуазском (?) отщепе. Ножи – 5 экз. Выемчатые орудия – 7 экз. Сколы с ретушью и следами использования – 13 экз.

Сочетание животных открытых перигляциальных пространств (мамонт, бизон, северный олень, лошадь, сайга, малый пещерный медведь) и лесных (благородный олень), дополняется данными спорово-пыльцевого анализа. Он показал, что культурный слой формировался в условиях степных ландшафтов, с включением березы и сосны, произраставших в долине р. Урал и в предгорьях. Возраст стоянки предварительно оценивается первой половиной позднего неоплейстоцена; вероятно, MIS 5a-b-4 (90–70 тыс. л.н.) [Широков и др., 2011].

Значительное совпадение в облике заготовок, низкий процент тонкофасетированных ударных площадок, наличие зубчатых орудий, овального бифасиального скребла, нуклеуса-скребла, клювовидного орудия не противоречит отнесению коллекции этой стоянки к индустрии кусимовского типа.

Самый поздний памятник этой традиции, **пещера Иманай-1** расположена в 5 км к западу от пос. Нугуш Мелеузовского района Башкортостана. Памятник был открыт и обследован в 2009 г. автором и Д.О. Гимрановым, работы были продолжены в 2015–2016 гг. [Котов, 2009; Гимранов и др., 2017; Котов и др., 2020a]. В Дальнем зале были обнаружены кости малого пещерного медведя (93%), пещерного льва, встречаются кости степного сурка, зайца беляка, бобра, волка, лисица, барсука, росوماхи, хоря, лошади, носорога, лося, первобытного бизона [Gimranov et al., 2018, p. 193; Котов и др., 2020, с. 12794 Гимранов и др., 2021]. В Дальнем зале по его поперечной оси был заложен раскоп площадью 12 м². Отложения были вскрыты до глубины 0,6 м и были выявлены четыре геологических слоя. Во всех слоях были зафиксированы многочисленные кости животных и палеолитические изделия из кремня. Были получены по костям из верхних отложений три некалиброванные даты: 26320±1790 л.н. (GIN-14244), 34940±140 л.н. (IGAN-5652), 42410±260 л.н. (IGAN-5652) [Gimranov, Kosintsev, 2020; Гимранов и др., 2021]. Калиброванные даты от 27369–35947 л.н. до 44566–45499 л.н.

Всего в раскопе 1 в пещере Иманай-1 в 1-м культурном горизонте обнаружено 399 изделий из камня и кости (единичные находки). Вместе с артефактами были найдены угольки, кусочки охры и кости плейстоценовых животных. Сырьем служили кремнь черного, темно-серого, серого, светло-серого и белого цветов, выходы которого зафиксированы внутри и вокруг пещеры. Изделия из красной яшмы, кварцита, известняка и кальцита единичны. Обращает на себя внимание то, что орудия составляют 80% от всех каменных изделий, полноценные нуклеусы отсутствуют, а нуклевидные формы представлены аморфными кусками кремня с негативами сколов – 8

экз. (2%). Сколы аморфные с бессистемной огранкой – 60 экз. (15%). Пластины аморфные – 3 экз. (1%). В промывке были обнаружены отдельные чешуйки и мелкие сколы. Все это указывает на то, что раскалывание нуклеусов и обработка орудий осуществлялась, очевидно, вне пещеры.

Прежде всего, обращает на себя внимание мелкоразмерный характер орудий: серийно представлены резчики размером от 5 мм. Широко применялись техники утончения поверхностей заготовок радиальными снятиями, краевыми широкими сколами, а также сегментация обломами, торцевыми, резцовыми сколами, вертикальной ретушью. Много орудий с несколькими рабочими участками с одинаковой функцией и сходной техникой оформления.

Подавляющее большинство орудий было изготовлено из аморфных сколах и осколках кремня. В коллекции есть 3 мустьерских бифасиальных остроконечника плоско-выпуклой формы и 4 конвергентных скребла с бифасиальной обработкой. Достаточно выраженной серией (11 экз. – 2%) представлены скребла. Часть из них имеют бифасиальную обработку поверхностей и рабочих участков. Скребки – 8 экз. (2%). У нескольких скребков ретушью или выемками был выделен ретушированный участок, – это так называемые скребки с рыльцем. Имеются обушковые ножи с бифасиальной обработкой (6 экз.). Самыми многочисленными являются резчики на остроугольных осколках и аморфных сколах (229 экз. – 57%) и острия, также с бифасиальной обработкой поверхности и рабочих участков (19 экз. – 5%). За ними по количеству следуют различные изделия с резцовыми сколами, отнесенные условно к «резцам»: боковые, поперечные, двойные, латеральные и поперечные (21 экз. – 5%). Большая часть «резцов» – это боковые, причем нередко встречаются многофасеточные. Характер этой вторичной обработки дает основания их также считать резчиками. Тем более, что в коллекции отсутствуют спутники резцов – вкладышевые изделия с пазами из кости и вкладыши.

В целом, коллекция каменных и костяных орудий из пещеры Иманай-1 демонстрирует архаические признаки в первичной и вторичной обработке, характерные для аморфной нелеваллуазской традиции среднего палеолита [Коробков, Мансуров, 1972, с. 65–66]. Многие особенности первичной и вторичной обработки стоянки Иманай-1 находят сходство с индустрией стоянки Кусимово-6, что дает основание считать его финальным этапом кусимовского типа индустрии. Микокские орудия, предположительно, являются компонентом, появившимся на последнем этапе существования этой стоянки.

2. Среди палеолитических объектов культурного наследия в отдельную группу были выделены памятники среднего палеолита неясного происхождения, такие как стоянка Новобелокатайская, местонахождение Муллино-2. Все они относятся к периоду потепления внутри вюрма (MIS 3).

Палеолитическая стоянка Новобелокатайская находится в центре с. Новобелокатай Белокатайского района на северо-востоке Республики

Башкортостан, на левом берегу р. Большой Ик, в основании 15-метрового обрыва. Костеносный горизонт приурочен к погребенной почве в слое голубых глин на уровне воды. Углеродная датировка погребенной почвы показала запредельный возраст: $>50\ 000$ л.н. (БашГИ-60) [Яхимович и др., 1974]. Из скопления угля размытого очага в культурном слое была получена некалиброванная радиоуглеродная дата $41070 \pm 1\ 570$ л.н. (ЛУ - 4149) [Данукалова и др., 2000]. Калиброванная дата укладывается в интервале 42341–47903 л.н. (95.4%).

В коллекции стоянки представлены разнообразные изделия из кости (21 экз.): проколки, провертки, ножи, скребла, резчик, скобели, ретушеры [Котов, 2008б]. Широко использовались при обработке кости, наряду с раскалыванием и ретушной оббивкой, расщепление костей с помощью клиньев, скобление и абразивное стачивание. Каменные изделия представлены двумя чопперами на гальках, скреблом, двумя отщепами из кварцита и кварцито-песчаника, двумя абразивными инструментами из песчаника, расколотыми гальками из кварцито-песчаника. Наличие одного леваллуазского и одного псевдолеваллуазского отщепа может говорить о принадлежности данной индустрии к леваллуазскому технокомплексу.

Памятник являлся кратковременной стоянкой-мастерской на скоплении костей, и датируется финалом среднего палеолита [Котов, 2009].

Местонахождение Муллино-2 расположено в 1 км южнее пос. Муллино (пригород г. Октябрьского) Туймазинского района Башкортостана на западном берегу старицы (оз. Кылы) р. Ик, на мысу высокой поймы реки на высоте 3–4 м от воды. Палеолитические находки были сделаны в зольном прослое голубовато-серой глины на глубине 2 м от поверхности [Шокуров, Киктенко, 1978; Котов, 2009; 2011а].

Каменные изделия (5 экз.) изготовлены из темного аргилитового сланца и все они, кроме размеров и технологических характеристик, выделяются густой патиной. В коллекции присутствуют поперечное скребло с вентральной обработкой края на массивном отщепе, скребло на леваллуазском нуклеусе, скребло поперечное выпуклое на массивном отщепе с радиальной огранкой, концевой скребок с вентральной обработкой боковых краев на массивном отщепе, скребло продольное с зубчатым краем на леваллуазском отщепе с радиальной огранкой дорсальной поверхности, чоппер на гальке.

Каменная индустрия Новобелокатайской стоянки и местонахождения Муллино-2 представлена сочетанием леваллуазской техники и чопперов на гальках.

Коллекция Кусимово-6 характеризуется как среднепалеолитическая нелеваллуазская. Характерные черты проявляются как в первичной обработке (наличие нуклеусов радиального, ортогонального, бессистемного скалывания, большое количество первичных сколов и сколов с радиальной, бессистемной огранкой, массивность сколов и относительно небольшие размеры), так и в присутствии таких форм как: рубила, чопперы,

бифасиальные остроконечники, скребла прямые с отвесной ретушью, большое количество разнообразных бифасиальных орудий (острия, резчики, ножи, резцы), зубчатые орудия. Отсутствие леваллуазских нуклеусов, единичные находки пластин и редкость фасетированных ударных площадок характеризуют эту традицию как нелеваллуазскую. Данные особенности позволяют относить ее к варианту нелеваллуазской традиции среднего палеолита. Сходные типы орудий и нуклеусов присутствуют на ряде памятников, выявленных в Южном Зауралье (Мысовая, Сабакты-ба, Кусимово-8, Яманкая-1, и др.) и на западном склоне Южного Урала – пещерная стоянка Иманай-1. Это дает основание выделить их в отдельный тип индустрии эпохи среднего палеолита, который по реперному памятнику получил название «кусимовский». Близкие аналогии индустрии стоянки Кусимово-6 имеет с коллекциями каменных изделий III и IV слоев среднего палеолита грота Старые Дуруиторы (северо-запад Молдовы) [Анисюткин и др., 2017], стоянка Стинка 1 [Анисюткин, 1972], нижнего слоя грота Киик-Коба в Крыму [Бонч-Осмоловский, 1940]. Самый поздний памятник этой традиции, пещера Иманай-1 датируется ленинградским временем (MIS 3) или началом верхнего палеолита.

В итоге стоянки среднего палеолита были обнаружены как в Зауралье, так и Приуралье. Для Южного Зауралья и горной зоны Южного Урала характерно распространение стоянок с нелеваллуазской (кусимовского типа) индустрией: наряду со стоянками открытого типа с разрушенным культурным слоем, стратифицированные стоянки Кусимово-6, Богдановка и пещера Иманай-1. В Приуралье обнаружены два памятника с леваллуазскими индустриями – Новобелокатайская стоянка и местонахождение Муллино-2, которые также датируются последним потеплением вюрма (MIS 3). Таким образом, в начале верхнего палеолита сосуществовали представители древнего населения, сохранявшие традиции среднего палеолита в обработке камня с носителями пластинчатых индустрий.

Глава 4. Памятники верхнего палеолита на территории Южного Урала

Ранний этап верхнего палеолита Южного Урала представлен 5 памятниками. Только одна стоянка является пещерной, остальные – стоянки открытого типа.

Стоянка Лабазы I расположена в 1,1 км к югу от с. Лабазы, в Курманаевском районе Оренбургской области. Руслом р. Бузулук был вскрыт в погребенном торфянике на протяжении 120 м культурный слой верхнего палеолита. Кости представлены следующими животными: носорог, мамонт, бизон, лошадь, гигантский олень, благородный олень, лось, северный олень, сайгак [Богданов, Котов, 2008].

В шурфе 1 на глубине 1,6 м от поверхности был выявлен слой с костями плейстоценовых животных, в большинстве расколотых и обожженных, угольки, зола, единичные находки кремневых и костяных изделий. По рогу была получена некалиброванная дата 40310 ± 3830 л.н.

(ИГАН-3442) [Богданов, Котов, 2008]. Калиброванный возраст – в интервале 41112–52978 л.н. (88.0%).

Всего на памятнике было обнаружено 15 изделий из камня. В коллекции имеются 4 пластины из кремня и одна из кварцита, отщеп с ретушью из серой яшмы, отщеп из серого кремня, пластина с притупленной спинкой из черного кремня, пластина с вентральной ретушью продольного края из серого кремня, ныряющий скол с конусовидного нуклеуса из серого кремня, долотовидное орудие из кремня, острие на крупной пластине из сургучной яшмы, концевой скребок на отщепе из красного кремня, долотовидное орудие или клин на обработанной кварцитовый гальке. Разнообразие каменного сырья может говорить о его дефиците.

Среди костей животных плейстоценовой сохранности с помощью трасологического анализа были выделены 17 изделий: острие-проколка, нож-скребло на крупном сколе, дистальный фрагмент посредника из рога лося, посредник из кости, тесло-струг, две проколки-провертки и, скобель по шкуре на фрагменте кости, провертка на расколоте вдоль трубчатой кости, рукоятка двуручного вкладышевого скребла-скобеля, фрагмент лопатки парнокопытного с нарезками, наковаленка из тазовой кости крупного травоядного, два скобеля из нижней челюсти бизона/быка, орудие для копания (?) из кости носорога, обработанный шейный позвонок гигантского оленя с нарезками. Важной находкой является антропоморфная статуэтка из эпифиза плечевой кости благородного оленя.

Изделия из камня и кости имеют сходную между собой технику скола и вторичной обработки. Малочисленность этой коллекции позволяет говорить только об общем сходстве с памятниками «уральской» линии развития верхнего палеолита Урала по характеру первичной обработки, формы пластин, наличию пластин с притупленным краем и скульптуре на основе естественных форм кости.

Местонахождение Табулдинское расположено в 1,5 км к западу от д. Табулды Стерлибашевского района Башкортостана. В 1981 г. было выявлено скопление костей мамонта [Итоги изучения..., 1985; Данукалова, 2007]. По костям мамонта были получены некалиброванные радиоуглеродные даты: 31360 ± 250 л.н. (ЛЕ-2153) и ≥ 34900 л.н. (ЛУ-1377А) [Итоги изучения..., 1985]. Калиброванные значения – 35271–36225 л. н. (95.4%) и 39448–40725 л.н. (95.4%) соответственно. Предположительно, это была кратковременная стоянка человека, приуроченная к скоплению костей мамонта, которые были собраны и уложены человеком в штабель для последующей утилизации [Сериков, 2007].

Палеолитическая **стоянка Горново** расположена вблизи д. Горново Уфимского района Башкортостана. Костеносный горизонт мощностью около 1,5 м и длиной 100 м был приурочен к серо-голубому суглинку в основании террасы высотой 15 м [Данукалова и др., 2000]. Костеносный горизонт датирован в рамках 27–29 тыс. л.н. – калиброванный интервал от 30 до 41 тыс.л.н. [Данукалова и др., 1996; Данукалова и др., 2000; 2010].

Присутствие в коллекции каменных и костяных изделий типично среднепалеолитического облика (мустьерский остроконечник, леваллуазские сколы, костяные остроконечники и др. орудия из кости) и характерных для позднего палеолита (торцевой нуклеус, концевой скребок, срединный резец, пластины, орнаментированная (?) кость) указывает на «симбиотический» характер этой индустрии. Небольшой размер коллекции не позволяет делать однозначные выводы.

Пещера Смеловская 2 находится в 3 км к северо-востоку от пос. Смеловского Верхне-Уральского района Челябинской области, на левом берегу на высоте 7 м над уровнем р. Малый Кизил, притока р. Урал. Размеры пещеры 1,9×0,5×5 м, перед входом имеется небольшая площадка. Стоянка исследовалась в 1950 и 1952 гг. К.В. Сальниковым [1952 1962]. Полностью была исследована в 1962 и 1965 гг. О.Н. Бадером [1971].

Раскоп площадью около 40 м² был доведен О.Н. Бадером до скального основания на глубине 2,38 м. Зафиксировано 3 культурных слоя. Верхний культурный слой, в котором были обнаружены 8 пластинок, 2 отщепа и 1 осколок [Бадер, 1971], имеет некалиброванную дату 15590±150 л.н. (LE-2774) [Кузьмина, 1997]. Калиброванный возраст: 18633–19233 л.н. (93.7%). Второй культурный слой приурочен к отложениям желтого суглинка. Радиоуглеродные некалиброванные даты из этого культурного слоя укладываются в рамки от 25000±600 л.н. (ГИН-8403) (калиброванный возраст – 27881–30436 л.н. (94.9%)) до 41000±1800 л.н. (ГИН-8402) (калиброванное значение – 42137–49223 л.н. (95.4%)) [Кузьмина, 1997]. Внутри него было выявлено основное количество находок: 53 изделия из черного желвачного кремня и в единичных случаях из темно-серого кремня или цветной яшмы. Из них – 23 отщепа, 6 крупных пластин и пластинчатых отщепов, 2 нуклеуса, 4 нуклевидных изделия, 5 первичных сколов. Пластины и отщепы отличаются массивностью, большая часть сколов (70%) имеют фасетированные ударные площадки. У отщепов преобладает скошенная ударная площадка. Здесь же в слое желтого суглинка были найдены 31 плоская галечка из мягкого камня, в основном, талька, со сверлинами в центре. О.Н. Бадер предполагал, что второй культурный слой принадлежит к ранней поре верхнего палеолита [Бадер, 1971]. Третий, самый нижний культурный слой был обнаружен на дне пещеры в толще глины с песком, с примесью щебня и гальки. Там присутствовали окатанные кости крупных животных (носорога, лошадей и др.), некоторые из них расколотые и обожженные, а также один уголек. Слой, по мнению О.Н. Бадера, формировался в конце среднего неоплейстоцена [Бадер, 1971].

В целом, массивность сколов и пластин, массивные ударные бугорки, наличие фасетированных ударных площадок, грубые нуклеусы, многочисленность первичных сколов, разнокалиберная ретушь изделий из второго культурного слоя указывают на сохранение среднепалеолитических черт в индустрии. Эти характеристики находят соответствие на соседней с пещерой Смеловская 2 среднепалеолитической стоянке-мастерской

Кусимово-6 в Абзелиловском районе Башкортостана. Не случайно, О.Н. Бадер указывал на определенное сходство этой коллекции с материалами эпохи среднего палеолита Средней Азии [Бадер, 1971]. Смеловская коллекция отличается большим количеством пластин и пластинчатых отщепов, а также наличием сверленных подвесок, что указывает на ее принадлежность к верхнепалеолитической традиции.

Стоянка Шульганово-4 расположена в Бурзянском районе Республики Башкортостан, в 0,1 км к юго-западу от входа в пещеру Шульган-Таш, на правом берегу реки Белая в устье реки Шульган, вытекающей из пещеры. Заложенный М.М. Румянцевым в 2013 г. шурф (1×2 м) был доведен до глубины 1,60 м. В разрезе шурфа четко видны, начиная с глубины 1 м от поверхности и на 0,5 м ниже, в коричневом среднем суглинке четыре углисто-сажистые прослойки плотного суглинка (очажные линзы), разделенные стерильными прослойками мелкозернистого песка. Пятый культурный слой выделен на основе угольков и археологических находок, залегающих в слое известняковой щебенки с заполнением темно-серого среднего суглинка на дне шурфа. Проведенный спорово-пыльцевой анализ показал поздневалдайское (кудашевское) время возникновения отложений с очажными прослойками и средневалдайское (MIS 3) время нижнего 5-го культурного слоя [Румянцев, 2014].

Археологический материал из отложений темно-серого суглинка (5-й культурный слой) представлен подвеской (или нашивкой) из плоской сланцевой галечки темно-зеленого цвета размером 0,8×0,5×0,1 см с проверченным с одной стороны отверстием. Здесь же были обнаружены заготовка подвески подпрямоугольной формы из кости (бивня мамонта?) размером 0,9×0,6×0,15 см, массивный вторичный скол из кварцито-песчаника и орудие на массивном сколе известняка. В этом слое также были обнаружены две галечные скульптуры [Румянцев, 2014; Котов, 2020].

Памятники раннего этапа верхнего палеолита единичны и их коллекции немногочисленны. Вероятно, это можно объяснить редкостью населения в данное время. На раннем этапе верхнего палеолита на территории Южного Урала памятники с индустрией среднего палеолита (стоянка Новобелокатайская, пещерная стоянка Иманай-1) сосуществуют с памятниками с пластинчатой индустрией верхнепалеолитического облика (стоянка Лабазы-1). Памятники конца раннего этапа верхнего палеолита на Южном Урале единичны, – это нижний слой культового памятника Большие Аллаки II [Жилина, Петрин, 1989] и нижний слой стоянки в пещере Мурадымовская 2 [Котов и др., 2010].

Таким образом, этот период сосуществования населения – носителей среднепалеолитических и верхнепалеолитических индустрий в Южно-Уральском регионе занимал отрезок времени от 41 до 26 тыс. л.н. Памятники с пластинчатой индустрией появляется на Южном Урале в уже сложившемся виде около 40 тыс. л.н., и этот импульс, скорее всего, следует связывать с ранними памятниками Южной Сибири. Об этом говорит специфический

набор украшений (подвески из просверленных галек) и изобразительной практики на основе естественных форм кости и камня (женская скульптура из ст. Лабазы-1 и скульптуры из галек со ст. Шульганово-4). Кроме того, ряд коллекций со стоянок имеет «симбиотическую» отщепово-пластинчатую индустрию со среднепалеолитическими и верхнепалеолитическими изделиями (стоянки Горново, Смеловская 2).

Памятники среднего этапа верхнего палеолита не обнаружены на территории Южного Урала. Вполне вероятно, что в это время (26–23 тыс. л.н.) из-за неблагоприятных климатических условий максимума похолодания большая часть населения покинуло эти территории [Павлов, 2015, с. 55]. Небольшой промежуток между стоянками раннего и позднего этапов может быть в будущем устранен или повторной датировкой уже известных памятников или же в результате открытия новых стоянок. Также ряд уральских памятников последнего этапа датируются максимумом похолодания – 23-22 тыс. л.н. (стоянки Талицкого, Сергеевка-1), что дает основание предполагать, что это население адаптировалось к холодным условиям последнего оледенения.

Более многочисленны памятники позднего этапа верхнего палеолита, которые представлены пещерными стоянками и стоянками открытого типа. Все памятники последнего этапа верхнего палеолита были разделены по возрасту на две условные группы. В группу 1 вошли памятники возрастом от 22 до 16 тыс. л.н. включительно: Сергеевка-1, Усть-Акаваз, Кульюрт-Тамак-1, Шульган-Таш (Каповая), Балатукай, Байсланташ (Акбутинская), Игнatieвская, Бобылек, Троицкая I, Бурановская, Идрисовская, Смеловская 2, верхний культурный слой. В группу 2 были отнесены памятники возрастом от 15 до 11 тыс. л.н.: стоянки Мурадымово I, Мурадымово 2, Заповедная, Сикияз-Тамак I, Ильмуззино, Малый Липовый XIV, Игнatieвская 2, Пещерный Лог.

Самое крупное скопление палеолитических памятников этого времени было обнаружено на западном склоне Южного Урала на рр. Нугуш и Белой. Среди них самой информативной является стоянка Сергеевка-1.

Стоянка Сергеевка-1 расположена в Мелеузовском районе Республики Башкортостан, северо-восточной части левого берега Нугушского водохранилища, в 1,5 км к северо-востоку от д. Сергеевка Мелеузовского района Башкортостана. Памятник открыт в 2008 г. палеонтологом Д.О. Гимрановым, в 2009-2010 гг. обследовался Южно-Уральской палеолитической экспедицией ИИЯЛ УНЦ РАН под руководством автора [Гимранов и др., 2012].

Было установлено, что часть стоянки была размыта водами Нугушского водохранилища, а часть сохранилась внутри террасы на глубине 2 м от поверхности. Каменные изделия и кости животных встречаются полосой на протяжении 200 м и шириной 20 м на поверхности светло-бурой глины. Слой светло-бурой глины является остатками второй надпойменной террасы высотой около 30 м над уровнем р. Нугуш до заполнения чаши

водохранилища. Поверхность слоя глины имеет небольшой наклон в сторону реки. Сверху светло-бурая плотная глина перекрыта слоем темно-коричневого тяжелого суглинка мощностью 1,2–1,3 м и слоем почвы толщиной до 0,8 м. Ежегодно берег подмывается водами Нугушского водохранилища, обрушая берег и вымывая находки. Осмотр обнажений на всем протяжении берегового обрыва Нугушского водохранилища подтвердил наши выводы, основанные на зачистке берега о местоположении культурных остатков. Спорово-пыльцевой анализ показал, что темно-коричневый суглинок и слой светло-бурой глины датируются верхним неоплейстоценом и относятся к Кудашевскому горизонту (поздний вюрм - MIS 2) [Гимранов и др., 2012, с. 25]

На поверхности светло-бурой глины были найдены три сотни костей плейстоценовой сохранныости, большая их часть – это остатки лошади (80%), единичные кости принадлежат другим животным: бизону, носорогу, оленю, мамонту, пещерному льву [Гимранов и др., 2012]. Отдельные кости, в частности, конечность пещерного льва были обнаружены в анатомическом порядке, что указывает на незначительное в древности перемещение материала в слое. По кости была получена некалиброванная дата 18000 ± 340 л.н. (Le-9603), калиброванный возраст 20899–22568 л.н. (95.4%). Памятник предположительно являлся сезонной стоянкой охотников на лошадей. Концентрация находок в одном месте, отсутствие изделий других периодов каменного века, технико-типологические характеристики каменных изделий дают основание нам рассматривать коллекцию как гомогенную. Всего собрано 1538 изделий из камня.

Отличительной чертой стоянки является большое количество изделий из галек кварцита и кварцито-песчаника. Нуклеусов из кварцита и кварцито-песчаника – 70 экз. Среди них одноплощадочных – 35 экз., двухплощадочных – 13 экз., ортогональных – 9 экз., дисковидных – 4 экз. Типы этих нуклеусов совпадают с ядрищами из кремнистых пород. В коллекции присутствуют отбойники из галек сфероидной формы из кварцита и кварцито-песчаника – 6 экз. Здесь же есть 7 экз. молотов из продолговатых галек кварцито-песчаника весом до 2 кг, у которых крутой крупной ретушью и пикетажем оформлена рукоятка. Две продолговатые гальки использовались в качестве посредников при скалывании заготовок. Шесть галек, судя по характеру обработки и следам повреждений лезвия, являются чопперами. Одно орудие из гальки вытянутой формы с естественной рукояткой и продольным лезвием было отнесено к рубящим орудиям типа «цалди».

Нуклеусов из кремнистых пород – 120 экз. Среди них преобладают одноплощадочные подпризматические (24 экз./29%) и конусовидные (7 экз./8,4%) нуклеусы. Нуклеусы ортогональные – 25 экз. (30%), двухплощадочные параллельно-встречного раскалывания – 9 экз. (7,5%). Кроме того, имеются три дисковидных двусторонних ядрища, два сфероидных, один клиновидный, один леваллуазский и один торцевой

нуклеусы. Много нуклеусов небольших размеров для получения пластинок и микропластинок.

Важной особенностью первичного раскалывания – это неустойчивость расположения ударных площадок, что выражается в параллельно встречном, ортогональном и радиальном характере снятий заготовок.

Изделий из кремня и яшмы со вторичной обработкой – 516 экз. Пластины и пластинчатые отщепы составляют 196 экз. или 12% от всех находок. Среди них преобладают пластины с продольной огранкой шириной от 1 до 2 см и более. У части пластин присутствует техника редуцирования карниза с применением абразива. Ударные площадки точечные или скошенные, гладкие, встречается прием изолирования. Ряд пластин имеют ретушированную ударную площадку. У большинства целых пластин изогнутый профиль и хорошо выраженный ударный бугорок. Не случайно, основное количество пластинчатых заготовок фрагментировано. Только у пластинок и микропластинок присутствует правильная огранка.

Серийно представлены разнообразные скребки – 173 экз. (34,6% от всех орудий). Превалируют концевые полукруглые скребки высокой формы на пластинах – 37 экз. (7,4% от всех орудий) и скребки полукруглые на отщепах – 33 экз. (6,6%). Также есть следующие типы скребков: двойные – 8 экз., угловые – 3 экз., угловые с острием – 3 экз., скребки с рыльцем – 5 экз., скребки с черенком – 4 экз., скребки с шипом – 5 экз., боковые – 8 экз. Выделяется группа скребков высокой формы (5 экз.) и микроскребков на ретушированной микропластине. Скребла – 9 экз., из них – два орудия на крупных кварцитовых сколах. К категории резцов относятся 48 экз. орудий (9,5%), среди которых большинство составляют боковые резцы – 33 экз., есть ретушные – 5 экз., поперечные – 6 экз., многофасеточные тройные – 3 экз., многофасеточные двойные, латеральные многофасеточные, срединные, многофасеточные с шиповидной формой рабочего участка. Долотовидных изделий – 5 экз., из них четыре предмета имеют четырехугольные очертания, прямое рабочее лезвие и оформление боковых граней резцовыми снятиями. Тронкированных пластин – 4 экз., пластины с притупленной спинкой – 2 экз., пластинки – 9 экз. Ретушированные пластины – 70 экз. (14%), пластины с ретушированными выемками – 5 экз., пластины с ретушированными краями и выделенным ретушью шипом – 9 экз. Оригинальной формой являются наконечники стрел на сегментах пластин треугольной формы с, оформленными утоньшающей обработкой или ретушью, основаниями – 6 экз., треугольник и аморфные трапеции – 3 экз. В коллекции присутствует фрагмент шлифованного стержня из бивня мамонта с пазом.

Предметы экстраутилитарной деятельности характеризуют две галечные скульптуры, изображающие животных, орнаментированная пропилами по краям галька вытянутой формы из окремненного сланца, подвеска с орнаментированными гранями из стеатита и фигурный кремьень [Котов, 2018в; 2022б].

Оригинальным является сочетание развитой отщепово-пластинчатой индустрии с использованием галечных форм и среднепалеолитических технологий. «Среднепалеолитические» черты в первичной обработке и орудийном наборе проявляются в наличии радиальных и дисковидных нуклеусов из кремня и кварцито-песчаника, крупных скребел на массивных леваллуазских отщепах и галечные орудия (чопперы, молоты-отбойники). Архаическими чертами в оформлении орудий также следует считать размещение рабочих участков на вентральной стороне или на проксимальном участке пластин и отщепов. В целом коллекция каменных изделий позволяет достаточно надежно соотнести стоянку Сергеевка-1 с материалами стоянки Талицкого и других уральских стоянок [Гимранов и др., 2012]. Судя по фаунистическим остаткам, разнообразию нуклеусов и нуклеовидных изделий, технических сколов и заготовок, а также орудий из камня, можно полагать, что стоянка Сергеевка-1 являлась базовым сезонным поселением охотников на лошадей.

Стоянка Усть-Акаваз находится в 3 км выше по течению от стоянки Сергеевка-1 и в 4 км к западу-северо-западу от д. Сергеевка Мелеузовского района Башкортостана на территории Национального парка «Башкирия» [Древности Башкирского Урала..., 2018]. Памятник приурочен к мысу и прилегающему к нему берегу, образованном р. Акаваз, левого притока р. Нугуш, и левым берегом Нугушского водохранилища.

Там были собраны с поверхности берега кости плейстоценовой сохранности и изделия из камня – 34 экз. Выделены следующие категории находок: 4 отщепа из кремня и яшмы; 4 отщепа с ретушью из кремня, 2 отщепа из кварцито-песчаника; нуклеус радиального скалывания из кремня; резец боковой на отщепе из черного кремня; массивный отщеп с ретушью из известняка; 2 оббитых куска кремня; нуклеус остаточный из кремня; нуклеус конусовидный из кремня; нож сланцевый; пластина аморфная с параллельно-встречной огранкой из серого кремня; дистальная и проксимальная части массивной пластины из кремня; пластина косоусеченная из кремня. Ряд изделий были сделаны из галек кварцито-песчаника: чоппер на плоской гальке треугольной формы; чоппер на расколотой массивной гальке; нуклеус-наковальня на массивной гальке; 2 чоппера на гальках; отщеп вторичный; отбойник на круглой гальке; массивный отщеп; рубящее орудие (?) на массивном отщепе с ретушью утилизации (?); нуклеус двухплощадочный на гальке; нуклеус-чоппер на гальке. Памятник, очевидно, являлся местом кратковременных остановок палеолитических охотников, приходивших сюда из базового поселения – стоянки Сергеевка-1.

Точно таким же пунктом кратковременных стоянок палеолитических людей являлась пещера Неолитовая в 6 км выше по течению р. Нугуш [Древности Башкирского Урала..., 2018].

Пещера Кульюрт-Тамак-1 (Космонавтов) находится в Бурзянском районе Башкортостана на правом берегу р. Белой, примерно в 1 км ниже по течению от пещеры Шульган-Таш (Каповой). Пещера Кульюрт-Тамак-1

расположена в приустьевой части одноименного ущелья, в его левом борту, на высоте 40 м от уровня Белой. Вход обращен на юг, его ширина 7 м, высота 2,5–3 м, общая длина ходов около 170 м.

Археологическое исследование пещеры было начато О.Н. Бадером в 1961, 1965, 1968, 1973 гг. Раскопки П.Е. Нехорошевым проводились в 1987–1988 гг. [Нехорошев, Гиря, 2004].

Культурный слой залегал в нижней части светло-коричневого суглинка с буроватым оттенком, включающий отдельные крупные камни и остроугольный щебень, на глубине от 1 до 2,5 м от современной поверхности. По древесному углю из культурного слоя были получены две радиоуглеродные даты: 14920 ± 660 л.н. (ЛЕ-4350) (калиброванная дата – 16517–19849 л.н. (95.4%), 15870 ± 390 л.н. (ЛЕ-3350) (калиброванная дата – 18586–20185 л.н. (91.2%)). И.Е. Кузьминой (ЗИН РАН) определены по костям из культурного слоя следующие виды: мамонт, носорог, пещерный лев, бизон, песец, лошадь (?), волк (?), барсук (?). По определению А.Г. Яковлева (ИГ УФИЦ РАН), мелкие млекопитающие из культурного слоя входят в состав «мамонтового комплекса»: они представлены копытным леммингом, зайцем, сурком, сусликом, тушканчиком, слепушонком, красной полевкой, пищухой, степной пеструшкой, узкочерепной полевкой, полевкой экономкой [Нехорошев, Гиря, 2004].

Сырье характеризуется кремнем, халцедоновым полупрозрачным кремнем и яшмой черных, коричневых, серых и зеленоватых цветов и оттенков, а также кварцитом и кварцито-песчаником.

Коллекция каменных изделий – 345 экз.: орудия — 38 экз., нуклевидные — 3 экз., пластины — 11 экз., микропластинки — 39 экз., отщепы — 23 экз., осколки — 5 экз., чешуйки, мелкие отщепы и осколки — 220 экз., небольшие гальки — 6 экз.

Нуклеусы – 3 экз., представлены призматическими одноплощадочными формами. Две кварцитовые гальки были отнесены к нуклевидным изделиям. Отщепы – 20 экз.: из них из кремня – 7 экз., из прочих пород – 13 экз. На всех кремневых отщепах и пластинах отмечаются единичные мельчайшие нерегулярные фасетки ретуши «утилизации» (?). Осколки – 5 экз. (из кремня – 1 экз., из прочих пород – 4 экз.). Чешуйки и мелкие отщепы – 220 экз. Пластины аморфные – 11 экз. (кремнь – 10 экз., песчаник – 1 экз.). Резцы угловые на пластинах их кремня – 7 экз., среди них: латеральный, четверной и тройной, 4 угловых на углу сломанной пластины. Долотовидные орудия – 3 экз., пластины с усеченным ретушью концом – 4 экз., проколка на полуреберчатой пластине, микропластинки с ретушью – 14 экз., микропластинки с притупленным краем – 7 экз., у двух – косоусечённый ретушью конец, отщепы из кремня – 5 экз. и осколок с ретушью из кварцита.

По мнению П.Е. Нехорошева индустрия Кульюрт-Тамака-1 имеет сходство с индустриями стоянки Талицкого, пещер Шульган-Таш (Каповая) и Игнatieвская, а также стоянки Горная Талица [Нехорошев, Гиря, 2004, с.

35]. Нами отмечались аналогии с коллекциями стоянки Сергеевка-1 и пещеры Байсланташ (Акбутинской) [Котов, 2004; Гимранов и др., 2012].

Пещера Шульган-Таш (Каповая) расположена в 3,75 км к югу-юго-востоку от д. Гадельгареево (Шульганово) Бурзянского района Республики Башкортостан, на правом берегу р. Белая. Вход представляет собой арку входа, имеющей ширину 40 м и высоту 20 м. Всего общая длина разведанных ходов пещеры превышает 3 км. С 1960 по 1978 гг. в пещере с небольшими перерывами вел работы О.Н. Бадер [1962, 1965а, 1978]. С 1982 по 1991 гг. археологические раскопки в пещере были продолжены В.Е. Щелинским [Щелинский, 1996, 1997, 2016; Ščelinski, Širokov, 1999]. Небольшие археологические раскопки в пещере были проведены в 2004 и 2005 гг. Т.И. Щербаковой [2007]. С 1995 г. археологические исследования в пещере осуществлялись под руководством автора [Котов, 1997; 2000; 2008; 2009; 2011; 2014; 2016; 2019; 2023] и с 2008 г. экспедицией МГУ под руководством В.С. Житенева [Житенев, 2011, 2012, 2014, 2017, 2018]. По древесному углю из культурного слоя было получено ряд некалиброванных дат: от 14 до 16 тыс. л.н. [Щелинский, 1996; 1997; Ščelinski, Širokov, 1999; Котов, 2014; 2016; Житенев и др., 2015; Житенев, 2018].

В раскопе В.Е. Щелинского в зале Знаков культурный слой в виде прослойки суглинка серого и темно-серого цвета залегал на глубине около 0,5 м от поверхности в кровле слоистого светло-коричневого суглинка [Щелинский, 2016, с. 24-25]. По данным палинологии в период формирования культурного слоя климат был довольно суровым: в районе пещеры господствовали открытые пространства тундры и тундро-степей [Щелинский, 2016, с. 25]. Среди остеологических находок в культурном слое И.Е. Кузьминой и Н.И. Абрамсон выделены: обломок бивня мамонта, кости пещерного медведя, зайца беляка, лисицы, песца, сурка, пищухи, тушканчика, копытного лемминга и некоторых других мелких млекопитающих [Кузьмина, Абрамсон, 1997]. Последнее исследование палеоклимата пещеры показали, что в период существования пещерного святилища в период по калиброванным значениям от 19,6 до 16,3 тыс. л.н. пещера Шульган-Таш находилась в зоне вечной мерзлоты и внутри полости присутствовала температура ниже нуля градусов [Dublyansky et al., 2018, p. 5].

В раскопе В.Е. Щелинского были обнаружены 193 изделия. Из них 120 экз. — это сколы из известняка и кальцита без обработки и следов использования. В.Е. Щелинский полагал, что это следы оббивки стен пещеры. Остальные изделия, по большей части, изготовлены из кремня и зауральской яшмы [Щелинский, 1997, с. 32]. В слое присутствовали украшения: три подвески из тонких пластинок кости, подвеска из сланцевой галечки с отверстием в центре, четыре бусины из серпентинита. Кроме них, к украшениям можно отнести и многочисленные маленькие раковины ископаемых моллюсков, некоторые с проткнутым отверстием,

составлявшие, видимо, ожерелье или нашивки на одежду, которые были принесены с Поволжья или Прикаспия [Щелинский, 1997, с. 32].

В процессе исследования автором культурных отложений в пещере Шульган-Таш (Каповой) была собрана крупная коллекция изделий из камня и кости (около 15 тыс. экз.) [Котов, 2014а; 2016]. Подавляющее большинство находок – это сколы известняка и кальцита, а также оббитые куски известняка и кальцита. Причем известны только два аморфных подпризматических нуклеуса из известняка с ударной площадкой, сформированной одним сколом, для получения массивных, шириной 1-2 см пластинчатых сколов. Также присутствуют двухплощадочный нуклеус подперекрестного скалывания на угловатом куске известняка и нуклевидное изделие с радиальной системой скалывания из кальцитового натека. Единственный нуклеус из яшмы является случайной находкой в Главной Галерее. Он относится к типу двусторонних двухплощадочных уплощенных нуклеусов для получения пластин.

Большая часть пластин из кремня и яшмы аморфные, не имеют регулярной огранки, они массивные, края не параллельные, неровные. Вместе с тем, есть единичные экземпляры с правильной огранкой, причем это характерно для пластинок. Больше десятка пластин и пластинок фрагментированы или у них удалена сломом или ретушированием базальная часть с ударным бугорком. Среди орудий из кремня и яшмы выявлены следующие орудия: два концевых скребка с зауженным основанием – один на пластине, а другой на отщепе; два острия типа граветт, причем у одного подправлено ретушью основание; пластинки с притупленной спинкой; орудия с шипом на пластинах; зубчатое орудие на отщепе; усеченная ретушью пластина; выемчатое орудие на пластине; пластины и пластинчатые отщепы с ретушью по краям; отщеп с ретушью.

Орудия из известняка изготовлены из более массивных заготовок, что связано с большей хрупкостью сырья. Наблюдается еще большая аморфность как сколов, так и изделий со вторичной обработкой. Здесь присутствуют сходные типы орудий: концевой скребок на массивной пластине; пластинка с притупленной спинкой; орудие с шипом клювовидной формы. Наряду с этим, обнаружены орудия, характерные только для изделий из известняка. Наиболее многочисленными являются резчики. Скребки отличаются массивностью, есть концевой скребок высокой формы, тройной скребок из осколка известняка. Разнообразны резцы: двойной ретушный резец, тройной боковой резец на отщепе, многофасеточный резец на массивном отщепе известняка. Обращает на себя внимание значительный разброс параметров изделий со вторичной обработкой: крупные орудия типа чопперов и чоппинга, крупные скребла соседствуют с микроскребками и микроостриями [Котов, 2021].

Все эти характеристики укладывается в наши представления об уральских памятниках конца верхнего палеолита Урала [Павлов, 2007; Котов, 2014б].

Пещера Балатукай находится в 11 км к юго-западу от д. Гадильгареево (Шульганово) Бурзянского района Башкортостана на правом берегу р. Белой, между урочищем Балатукай и Аксыир, в 7 км ниже по течению реки от пещеры Шульган-Таш (Каповой), на высоте около 90 м над уровнем реки. Вход высотой 12 м, шириной 7 м имеет ориентацию на восток-юго-восток. Пещера сухая, имеет хорошо освещенный привходовой зал размером 8×3 м.

В 1961 г. она исследовалась краеведом А.П. Шокуровым [Археологическая карта..., 1976, с. 170], в 2004 г. – под руководством автора [Косинцев и др., 2018].

Шурф 2 был заложен в глубине привходового зала, он был доведен до скального дна на глубине 1,2 м. По характеру отложений и находкам были выделены 5 культурных слоев. К эпохе плейстоцена были отнесены 4–5 культурные слои с глубины 0,5–0,6 м от поверхности и ниже. По костям получены две калиброванные радиоуглеродные даты: из 6–7 условных горизонтов – 11900 ± 130 л.н. (СОАН–7271); из 8–9 условных горизонтов – 13770 ± 220 л.н. (СОАН–7272), по костям мелких млекопитающих из 10–13 условных горизонтов – калиброванная дата 13450 ± 120 л.н. (Ki–14960) [Косинцев и др., 2018].

В 3 культурном слое, который приурочен к основанию светло-серой пылеватой супеси, был обнаружен подконусовидный нуклеус из известняка с негативами пластинчатых снятий.

Фауна из нижних (4 и 5) культурных слоев содержит виды, характерные для конца позднего неоплейстоцена: песец, шерстистый носорог, лошадь, бизон, пищуха степная, суслик, большой тушканчик, хомячки, пеструшки, копытный лемминг, узкочерепная полевка [Косинцев и др., 2018]. Пятый культурный слой приурочен к серовато-коричневой супеси с мелкой окатанной щебенкой. Здесь был найден тройной резец из кремневой породы, 12 известняковых сколов, мелкие сколы из яшмы и черного кремня, а также нуклеус конусовидный из известняка. Кроме того, был найден отщеп из бивня мамонта и заостренная кость, которая использовалась в качестве проколки-провертки по шкуре.

Памятник являлся местом кратковременных стоянок охотников. Особенность памятника в преимущественном использовании в качестве сырья пещерного известняка [Косинцев и др., 2018].

Пещера Байсланташ (Акбутинская) расположена в 1 км западнее хутора Акбута в Мелеузовском районе Башкортостана на правом берегу р. Белой. Вход находился на высоте 18 м от уровня воды, (абсол. отметка – 265 м), обращен на юго-запад. Высота входа около 17 м, ширина – 8 м. Длина пещеры – 110 м. В ходе раскопок под руководством автора с 1999 по 2002 гг. было вскрыто 70 м^2 на глубину до 6 м. Культурный слой верхнего палеолита был выявлен на глубине 2 м от поверхности в слое светло-бурого среднего суглинка со средней и мелкой угловатой щебенкой [Котов, 2004].

Слой датирован по спорово-пыльцевому анализу поздним вюрмом, а по концентрату мелких костей была получена некалиброванная дата 13560 ± 250 л.н. (ГИН–10853), калиброванный возраст 15666–17082 л.н. (95.4%). Из палеолитического слоя П.А. Косинцевым определены фрагмент 2-й фаланги бизона, фрагмент таза бизона, кость лошади, а также фрагменты бивня мамонта.

Всего было обнаружено 1384 изделия из камня и кости. Большая часть изделий – это чешуйки (544 экз.) и отщепы (509 экз.). Нуклевидные изделия – 12 экз. Нуклеусы – 19 экз. Форма нуклеусов чаще плоско-выпуклая и конусовидная, причем имеется два плоских нуклеуса. Всего пластин и изделий из них 130 экз. – это 9% от всех находок. Большая часть пластин имеет ширину более 1 см (80%). Отбойники – 8 экз. К мягким отбойникам относятся 2 сланцевых гальки округлой формы. Твердые отбойники из кварцитовых галек – 6 экз. Ретушеры – 16 экз., большинство – из кварцитовых галек. Имеется наковальня из крупной кварцитовой гальки. Резцы – 61 экз. (20% от всех орудий): с протяженной кромкой, двугранные, на углу излома заготовки, ретушные, с плоским поперечным сколом, латеральные, латерально-ретушные, многофасеточные с закругленной кромкой.

Скребки (26 экз. – 9%) По форме рабочего края подразделяются на: скребки с полукруглым лезвием, с прямым лезвием, скребки с шипом, со скошенным лезвием и двойные. Два изделия являются микроскребками. Примерно 25% скребков можно отнести к массивным. Одно орудие – это скребок-рабо. Скребла (12 экз.), в большинстве своем, изготовлены из черного кремня (8 экз.) и являются простыми, поперечными, прямыми. Одно скребло изготовлено на обработанном сталагмите. Острий – 17 экз. (6%). Часть острий – это аморфные отщепы клювовидной формы, у которых на острие имеется мелкая ретушь – 10 экз., другая группа (6 экз.) – это резчики. Орудий с шипом – 7 экз., есть одна проколка. Долотовидных орудий – 8 экз. (2,8 %).

Два наконечника стрел (?) изготовленны на пластинчатых отщепах, они имеют двустороннюю утончающую обработку основания, предположительно, для насада. Геометрические микролиты подразделяются по форме на трапецевидные – 5 экз. и треугольные – 3 экз. Специализированные выемчатые формы в коллекции единичны. Пластин с ретушью – 6 экз. и отщепов с ретушью – 22 экз. Рубящее орудие на гальке в одном экземпляре.

Имеются изделия из кости: фрагмент таза бизона со следами поперечной рубки в месте надлома, проколка на продолговатом осколке трубчатой кости со следами скобления рабочей части, два костяных скола со следами работы, два фрагмента кости со следами работы по скоблению дерева, скребки по шкурам на фрагментах трубчатых костей. Украшения представлены двумя квадратными заготовками с центральными отверстиями из пластинок бивня мамонта и одна продолговатая заготовка с размеченными

и просверленными тремя квадратными заготовками и одна бисеринка диаметром 3 мм с центральным отверстием из бивня мамонта. Кроме того, был найден камень с естественным отверстием «куриный бог» с обработкой [Котов, 2018в, с. 24, рис. 6, 4].

Инвентарь стоянки в пещере Байсланташ характеризуется как верхнепалеолитический. Наряду с этим на памятнике присутствуют черты характерные для среднего палеолита: на некоторых нуклеусах имеются две и более ударных площадки, встречены расколотые гальки и нуклеусы на гальках кварцито-песчаника, есть также плоские радиальные нуклеусы; имеются скребла, галечное рубящее орудие; среди приемов вторичной обработки зафиксирована вентральная ретушь. Все эти черты сближают индустрию пещеры Байсланташ с коллекциями соседних памятников: Сергеевка-1, Кульюрт-Тамак-1, Шульган-Таш (Капова), а также с гротом Бобылек и пещерой Игнatieвской [Котов, 2004].

Пещера Игнatieвская (Ямазы-Таш) находится в Катав-Ивановском районе Челябинской обл., в 8 км ниже по течению р. Сим от д. Серпиевка. Вход в пещеру округлой формы, диаметром 12 м, располагается на высоте 12 м над уровнем воды р. Сим и ориентирован на юго-восток. Пещера горизонтальная, коридорного типа, общая ее протяженность 626 м. Памятник исследовался в 1913 г. С.И. Руденко, в 1938 г. С.Н. Бибиковым, в 1951 г. М.А. Бадер, в 1960–1961 гг. О.Н. Бадером, в 1980–1986 гг. пещера изучалась В.Т. Петриным, в последующем и вплоть до настоящего времени исследования проводит В.Н. Широков [Петрин, 1992; Петрин, Широков, 2013].

В верхней части слоя красной глины Большого зала, в нескольких см от поверхности, присутствуют многочисленные угольки, образующие горизонтальные одну или две прослойки, вместе с уголками были обнаружены кусочки охры, кости животных, каменные и костяные изделия [Дублянский и др., 2021]. В слое красной глины с культурными остатками до глубины 0,5 м встречены кости таких животных, как: донской заяц, сурок, волк, песец, лисица, пещерный медведь, пещерная гиена, сайга, дикая лошадь, бизон и бык, северный олень, горностай, ласка, пещерный лев, мамонт, благородный олень, шерстистый носорог, корсак и некоторые другие. Большая часть дат из раскопов В.Т. Петрина внутри пещеры, имеют интервал 13–14 тыс. л.н. [Петрин, 1992]. Новые калиброванные ^{14}C даты из верхней части культурных отложений времени создания рисунков в пещере укладываются в интервал 17,4–16,3 тыс. л.н., нижний культурный слой датируется в интервале 28,3–27,8 тыс. л.н. [Дублянский, 2021].

Всего было обнаружено в верхних отложениях 1350 экз. изделий из камня. В качестве сырья использовалось разнообразное сырье из галек и плиток яшмы разных цветов, кремня, халцедона, песчаника, хрусталя, известняка. Первичное расщепление представлено различными нуклеусами параллельного скалывания. Большая часть их уплощенной формы на гальках, присутствуют также двусторонние и двухплощадочные, односторонний

подперекрестный на плоской гальке, ортогональные для получения отщепов, монофронтальный радиального скалывания на плитке, уплощенный нуклеус с тремя фронтами скалывания.

Основными заготовками являлись пластины и во вторую очередь – отщепы. Орудия представлены разнообразными концевыми скребками на пластинах и отщепах, в том числе, скребки высокой формы, круглые скребочки, двойные скребки, ретушированные пластины и пластинки, усеченные пластины, боковые и срединные резцы на пластинах и отщепах, разнообразные долотовидные орудия, различные клювовидные формы и орудия с шипом, проколки и «резчики». Кроме того, в Игнatieвской пещере найдены подвески из зубов песца и быка, две плоско-выпуклые круглые бусины из бивня мамонта. Подобные подвески и нашивки известны из раскопок в пещерах Шульган-Таш (Каповой) и Байсланташ [Щелинский, 2016; Котов, 2004], а также в гроте Бобылек [Волокитин, Широков, 1997].

Таким образом, индустрия стоянки в Игнatieвской пещере имеет большое сходство с материалами стоянки Талицкого, пещер Шульган-Таш (Каповой), Байсланташ, Кульюрт-Тамак-1, Сергеевка-1 и др.

Грот Бобылек находится на границе Среднего и Южного Урала в бассейне р. Уфы на юго-западе Свердловской обл., в 15 км от р. Уфы при слиянии ручьев Бобылек и Безымянного. Грот представляет собой просторную карстовую полость, площадь пола около 250 м². Основной вход в виде арки высотой 3 м и шириной 10 м, ориентирован на восток, высота его над уровнем ручья 7 м. Палеолитическая стоянка была изучена в 1990–1991 гг. на площади 21 м² [Волокитин, Широков, 1997]. Культурный слой был зафиксирован в слое темно-рыжего суглинка со щебнем на глубине 1,8 м от поверхности, мощность его до 0,5 м. В ходе раскопок была получена коллекция из 450 предметов из камня. Сырьем служил окремненный известняк, а также яшма, черный кремнь, халцедон.

Кости животных из верхнепалеолитического слоя принадлежали в основном северному оленю и зайцу, лошади уральской, встречались кости быка или бизона, песца сайги, куных, пещерного медведя, мамонта, шерстистого носорога, овцебыка и др. Палеоэкологические и палеотерриологические анализы указывают на поздневалдайский возраст культурных отложений верхнего палеолита. По кости шерстистого носорога была получена некалиброванная радиоуглеродная дата – 14200±400 л.н. (ИЭРЖ-164) [Волокитин, Широков, 1997, с. 9-10]. Калиброванный интервал 18276-16181 л.н. (95%).

В ходе раскопок была изучена коллекция из 450 предметов из камня. Первичная обработка представлена нуклеусом радиального скалывания для отщепов. В коллекции есть отщепы с радиальной и бессистемной огранкой. Основной заготовкой служили пластины и пластинки. Ряд орудий сделаны на пластинах шириной от 2 до 3 см. Большая часть пластин были преднамеренно фрагментированы. Орудия - 29 экз., представлены следующими типами: выемчатые изделия - 16 экз., орудие с шипом, резцы - 2

экз., ножи с естественным обушком на пластинах - 2 экз., концевой скребок, провертка, пластинка и микропластинки с притупленным краем, скребок-долотовидное орудие, усеченные пластины, тройной многофасеточный и двойной боковой резцы, ножи с естественным обушком, орудие с шипом, острие-провертка, пластинки с притупленным краем - 4 экз., пластины с ретушью - 2 экз. Среди костяных изделий имеются два вкладышевых изделия с выгравированными линиями, фрагмент кости северного оленя с гравированной изогнутой линией, заготовки нашивок в виде прямоугольных пластинок, разделенные линиями на квадраты с отверстиями или без них.

А.В. Волокитин и В.Н. Широков пришли к выводу, что грот Бобылек в конце верхнего палеолита использовался в качестве временного стойбища охотников на северного оленя и пушного зверя. Они считали, что индустрия стоянки наиболее близка коллекции из пещеры Шульган-Таш (Каповой) [Волокитин, Широков, 1997, с. 14]. Большое сходство по основным категориям инвентаря и заготовкам нашивок из кости памятник имеет с пещерой Байсланташ [Котов, 2004]. В ней присутствуют все основные признаки уральской верхнепалеолитической традиции.

Стоянка Троицкая I расположена на уровне второй надпойменной террасы р. Уй, недалеко от г. Троицка Челябинской обл. В ходе строительных работ и раскопок 1984 и 1990 гг. было вскрыто около 70 м². Здесь было найдено 126 костей мамонта от трех-четырех особей и 38 костей лошади [Широков и др., 1996]. Культурный слой с костями плейстоценовых животных и каменными изделиями залегал на глубине 0,8-1 м от поверхности в серовато-желтом суглинке. Радиоуглеродная некалиброванная дата была получена по обработанной кости мамонта – 16300±300 л.н. (ИЭРЖ-165) [Широков и др., 1996]. Калиброванная дата – 20431–18995 л.н. (95%).

Каменные изделия – 188 экз. были изготовлены из местного галечного сырья, причем более половины – из хрусталя. Нуклеусы - 3 экз., представлены торцевыми на плоских гальках – 2 экз. и двусторонним параллельно-радиального скалывания. Орудий – 9 экз.: скребки – 6 экз., среди которых стрелчатые – 2 экз., площадочный, двойной овальный высокой формы с боковым выступом, боковой. Резцы боковые многофасеточные – 3 экз. Костяное изделие представлено просверленной пястной костью лошади.

В.Н. Широков считал, что данный памятник является временным стойбищем около скопления костей или туш погибших животных [Широков и др., 1996, с. 16; Широков и др. 2005, с. 21]. Он находил аналогии коллекции стоянки Троицкая I в индустрии памятников «среднеуральского варианта» верхнепалеолитической культуры [Широков и др., 1996, с. 14]. Особенности первичной обработки и типы орудий не противоречат отнесению стоянки к «уральской» линии развития верхнепалеолитических индустрий.

Пещерные памятники р. Юрюзань и р. Ай были исследованы С.И. Бибиковым в 30-х гг. двадцатого столетия одними из первых на Южном

Урале – это пещеры Бурановская, Ключевая, Гребневая, Идрисовская-1 в долине р. Юрюзани, в которых были найдены единичные изделия из камня и кости [Бибилов, 1950]. Исследования в последующее время не изменили эту ситуацию.

Пещера Заповедная находится в Белорецком районе Башкортостана на правом берегу р. Лемезы (приток р. Сим). Пещера расположена на высоте 90 м от уровня реки у самой вершины. Она имеет горизонтальное строение и общая длина ходов 180 м при средней высоте 1,2 м. Внутри пещеры Заповедная были выявлены различные культовые объекты, связанные с почитанием костей ископаемого пещерного медведя [Котов, 2001; 2012].

В 2005 г. внутри пещеры вблизи культовых объектов из черепов пещерных медведей под кальцитовый коркой было обнаружено кострище (№ 4). Радиоуглеродные некалиброванные датировки, полученные по углю из него, укладываются в промежуток от 10970 ± 100 л.н. (ЛЕ-8257), $13085\text{--}12752$ кал. л.н. (95%) до 11880 ± 100 л.н. (СОАН-7735), калиброванный возраст – $13580\text{--}13894$ л.н. (75.4%). Учитывая поправку при калибровке этих дат, возраст отложений укладывается в промежуток от 13 до 14 тыс. л.н. [Котов, 2001, 2012]. В 2008 г. рядом с очагом были найдены следы многослойной стоянки с многочисленными изделиями из известняка и кальцита – 130 экз. Грубые нуклеусы и куски известняка с негативами отдельных сколов указывают на подпризматический характер скалывания. Вместе с тем, пластинчатые сколы единичны, а основной заготовкой для орудий являлись обколотые до нужной формы куски кальцита или известняка. Преобладают среди орудий угловые формы: резчики на осколках, угловатых обломках или отщепах, а также резцы. Единичными экземплярами представлены острия, долотовидные орудия (?), скребки. Внутри пещеры была сделана находка отбойника из гальки кварцито-песчаника. В раскопе 1 на привходовой площадке у входа 1 были найдены угли, кусочки охры, пластина с регулярной огранкой и орудие из кремня.

Нарочитая небрежность, с которой сделаны орудия, отсутствие хороших призматических нуклеусов также указывает на отсутствие профессиональных навыков обработки камня у посетителей пещеры. Кроме того, использование для изготовления орудий известняка и кальцита, можно объяснить или ритуальной изоляцией или предпочтениями символического характера [Котов, 2012].

То, что в регионе имеется ряд пещерных памятников с индустрией из известняка, причем пять из них – это святилища (пещеры Шульган-Таш (Каповая), Игнatieвская, Байсланташ, Мурадымовская 2, Заповедная), позволяет предполагать символическую природу использования этого специфического сырья в рамках уральской верхнепалеолитической традиции.

Стоянка Ильмурино расположена на окраине с. Ильмурино в Кушнаренковском районе Башкортостана, на второй надпойменной террасе р. Белая. Памятник изучался Г.Н. Матюшиным в 1961–1969 гг. Палеолитические слои были обнаружены на глубине около 2 м в более

светлом суглинке, который спорово-пыльцевым анализом был датирован поздним вюрмом [Матюшин, 1976]. В коллекции имеются дисковидные нуклеусы – 2 экз., скребок прямой, скошенный на полупервичном отщепе, резец боковой на отщепе с выемкой в основании, ребристая пластина, ребристая пластина с ретушью, пластин и изделий из них – 8 экз., в том числе: пластины с ретушью – 2 экз., пластины с выемкой и вентральной ретушью края, пластины с выемкой – 2 экз., острие. Присутствие широких пластин и ребристых сколов указывает на преимущественное получение крупных пластинчатых заготовок с призматических или конусовидных нуклеусов. Наличие же дисковидных нуклеусов позволяет предположить, что данная индустрия относится к кругу памятников уральского верхнего палеолита, сочетающих верхнепалеолитические и среднепалеолитические формы.

Стоянка Пещерный Лог располагалась в 7 км к югу от г. Магнитогорска, на возвышенности правого борта пересохшего лога «Пещерный», расположенного по правому берегу р. Янгелька (правый приток р. Урал). Стоянка была обнаружена и полностью исследована в 2006 г. В.А. Куприяновым [2016]. Площадь раскопа составила 320 м². Каменные изделия были обнаружены на глубине от 0,4 до 0,8 м от поверхности в желто-красном слабо гумусированном суглинке с карбонатными включениями, который имел мощность от 0,08 до 0,22 м [Куприянов, 2016].

Орудия для обработки орудий представлены отбойниками из кварцитовых галек – 6 экз. и молотком-отбойником из фтанита. Нуклеусы и нуклевидные изделия – 54 экз. Нуклеусы представлены следующими формами: призматическими одноплощадочными – 5 экз., ортогональным, нуклеусами с двумя ударными площадками параллельно-встречного скалывания – 2 экз., нуклеусами торцевыми одноплощадочными с наклонными ударными площадками – 3 экз., нуклеусами многоплощадочными бессистемного скалывания – 7 экз., нуклеусами радиальными – 2 экз. Отщепы и обломки – 228 экз. Пластины с нерегулярной огранкой, шириной 1-2 см – 29 экз. Пластины с ретушью – 7 экз.

Резцы – 7 экз., представлены следующими типами: боковые многофасеточные – 2 экз., двойной на углу сломанной пластины, многофасеточный ретушный, латеральный, срединный ретушный с шиповидным рабочим участком, боковой комбинированный со скошенным скребком. Скребки – 7 экз., среди которых: концевые – 2 экз. и концевые скребки с полукруглыми лезвиями на отщепах – 2 экз. Один скребок является площадочным на укороченном отщепе. Большая часть скребков относится к скребкам высокой формы. Скребла – 3 экз., среди которых: конвергентное, поперечное прямое и выпуклое, все на плитках. Здесь же найдены три орудия: с шипом на аморфном отщепе, долотовидное на пластинчатом отщепе, а также наконечник стрелы на пластине.

В.А. Куприянов считает памятник кратковременной стоянкой-мастерской по первичной обработке кремня на выходах сырья в виде

галечника кремнистых пород. По технико-типологическим характеристикам инвентаря стоянку Пещерных Лог он относит к кругу памятников «уральской верхнепалеолитической культуры» верхнего палеолита [Куприянов, 2016, с. 26–27]. Памятник имеет много сходства в первичной обработке и орудийном наборе со стоянкой Сергеевка-1 и другими местонахождениями Южного и Среднего Урала.

3. Описанные выше памятники верхнего палеолита Южного Урала были сопоставлены с известными стоянками верхнего палеолита на Урале – стоянками им. Талицкого, Широфаново II, гротами Столбовой, Близначева, Шикаевка II. Были обнаружены многочисленные черты сходства с индустриями как раннего, так и позднего этапов верхнего палеолита.

В отдельном параграфе были рассмотрены концепции российских ученых о принадлежности верхнего палеолита уральского региона. Взгляды Т.И. Щербаковой и П.Ю. Павлова были проанализированы в динамике их эволюционных изменений. Основные положения этих исследователей вошли в авторскую концепцию верхнего палеолита уральского региона.

В целом, уральская верхнепалеолитическая традиция характеризуется сочетанием развитой отщепово-пластинчатой индустрии с использованием галечных форм и среднепалеолитических технологий. Первичное расщепление представлено разнообразными нуклеусами – призматическими, конусовидными, торцевыми, ортогональными, дисковидными и радиальными. Самой многочисленными являлись резцы различных типов: на углу сломанной пластины, ретушные, многофасеточные, латеральные, двойные, тройные и пр. За ними по количеству следуют скребки: стрелчатые, с шипом, вентральные, с рыльцем, двойные, округлые, высокой формы. Представлены серийно комбинированные орудия: скребок-резец, скребок-острие, скребок с шипом и др. Не менее многочисленны различные изделия с обработанными ретушью углами или образующие шиповидные выступы и острия: резчики, клювовидные формы, орудия с шипом, острия, проколки. Присутствуют орудия с выемками. Долотовидные орудия, в основном, имеют четырехугольную форму. Встречаются усеченные ретушью пластины и пластинки с притупленным краем, а также ассиметричные трапеции и треугольники. Небольшой серией представлены треугольные наконечники стрел с прямым основанием на сегментах широких пластин, с бифасиальной утончающей ретушью основания. Макроорудия характеризуются крупными скреблами на массивных кварцитовых отщепах или овальными скреблами, а также галечными орудиями – чопперами и молотами. Изделия из кости характеризуются круглыми нашивками, игловидными вкладышевыми наконечниками, проколками, иглами, просверленными зубами животных. Предметы символической деятельности из камня представлены просверленными гальками, скульптурами из слегка обработанных естественных фигурных форм кости, камня, фигурным кремнем.

Сравнение памятники раннего и позднего этапов верхнего палеолита Южно-Уральского региона демонстрируют близкое сходство, что позволяет говорить о единой *культурной традиции*, существовавшей на протяжении более чем 30 тыс. лет. Поэтому мы считаем возможным относить все памятники верхнего палеолита Урала к единой общности, соответствующей понятию «историко-культурная область» [Галимова, 2001, с. 86].

По нашему мнению относительная унификация памятников на рубеже среднего и позднего этапов верхнего палеолита уральского региона была вызвана активным смешением уральского населения, сохранявшим в своей отщепово-пластинчатой индустрии особенности среднепалеолитического характера, с какими-то пришлыми группами из Южной Сибири или Средней Азии – носителями традиций пластинчато-отщеповой технологии. В результате в конце вюрма сложилась на Урале оригинальная верхнепалеолитическая индустрия, сочетавшая традиции как верхнего, так и среднего палеолита. К финалу неоплейстоцена увеличивается индекс пластинчатости, становится больше пластинок с притупленной спинкой, появляются геометрические микролиты и нуклеусы для микропластинок, а также вкладышевые изделия из кости с гравированными орнаментами. Это указывает на присутствие «мезолитических» элементов в недрах верхнего палеолита, что подтверждается наличием сходных черт в индустриях памятников Южного Приуралья конца верхнего палеолита и мезолита (романовско-ильмурзинская культура) [Матюшин, 1976; Котов, 2009].

В **Заключении** отмечается, что важнейшей предпосылкой исследования явилось применение единого методического подхода к изучению коллекций палеолитических памятников Южного Урала. Это дало возможность выделить общие и особенные признаки для каждого из периодов заселения Южного Урала. Уже опубликованные палеолитические памятники, были автором описаны по единой методике, что дало возможность их сравнить с новыми, вводимыми автором и уже известными объектами Южного Урала и из сопредельных регионов. Впервые было сделано описание различных периодов каменного века, начиная со среднего и заканчивая финалом верхнего палеолита для территории Южного Урала.

Отмечены географические характеристики Южного Урала, которые делают эту территорию особенно благоприятной для освоения, предположительно, уже в нижнем палеолите. Также были отмечены особенности геологических процессов в различные эпохи четвертичного периода. Впервые была приведена подробная история изучения палеолита Южного Урала.

Основываясь на материалах новых памятников, открытых автором в Южном Зауралье установлено, что заселение Южного Урала произошло в среднем неоплейстоцене носителями среднепалеолитической индустрии около 130–120 тыс. л.н. (MIS 6-5). В результате изучения новых памятников в Южном Зауралье был выделен кусимовский тип индустрии среднего палеолита. Эта индустрия характеризуется как среднепалеолитическая

нелеваллуазская. Характерные черты выражены в первичной обработке (наличие нуклеусов радиального, ортогонального, бессистемного скалывания, большое количество первичных сколов и сколов с радиальной, бессистемной огранкой), и в присутствии таких форм, как рубила, чопперы, бифасиальные остроконечники, скребла прямые с отвесной ретушью, большого количества разнообразных бифасиальных орудий (острий, резчиков, ножей, резцов), зубчатых орудий. Эти особенности характеризуют эту индустрию как вариант нелеваллуазской традиции среднего палеолита. Самый поздний памятник этой традиции, пещера Иманай-1 датируется ленинградским временем (MIS 3) и он одновременен стоянкам с отщепово-пластинчатыми индустриями начала верхнего палеолита.

Технико-типологический анализ коллекций верхнепалеолитических памятников Южного Урала показал, что стоянки раннего и позднего этапов верхнего палеолита Южно-Уральского региона обнаруживают близкое сходство: в их индустрии сочетаются элементы среднего и верхнего палеолита. В этом состоит принципиальное сходство уральских и сибирских индустрий верхнего палеолита [Григорьев, 2001]. На Урале и в Южной Сибири в верхнепалеолитических индустриях были выявлены типологически сходные индустрии, в которых присутствует сочетание развитой пластинчатой технологии и среднепалеолитической технологии и форм орудий. Кроме этого, был выявлен на ряде памятников Южного Урала южный компонент в виде геометрических микролитов. Исходя из этого, можно предположить, что формирование индустрии позднего этапа верхнего палеолита Южного Урала была вызвана смешением субстрата уральского населения, сохранявшего отщепово-пластинчатую технологию «симбиотического» облика, с носителями традиций пластинчатой технологии из Южной Сибири и/или Средней Азии. В результате этих сложных процессов взаимодействия различных культурных традиций на рубеже среднего и позднего этапов верхнего палеолита сложилась на Урале оригинальная верхнепалеолитическая индустрия. Опираясь на сходство памятников конца верхнего палеолита Южного и Среднего Урала, можно полагать, что Южно-Уральское население продвинулось в Прикамье и далее на север в период после максимума оледенения. В конце верхнего палеолита в индустриях Южного и Среднего Урала появляются элементы, характерные для мезолитической эпохи.

Полученные данные дают основание наметить новые направления научных исследований ранних этапов заселения данной территории.

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации:

Статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях и журналах, рекомендованных ВАК:

1. Гарустович Г.Н., **Котов В.Г.** Открытие новых образцов пещерной живописи на территории Челябинской области // Вестник Челябинского

государственного университета. – 2010. – №10 (39). – С. 6–10 (авт. вклад – 0,4 п.л.).

2. Гимранов Д.О., Косинцев П.А., Бачура О.П., Жилин М.Г., **Котов В.Г.**, Румянцев М.М. Малый пещерный медведь (*Ursus ex gr. Savini-rossicus*) как объект охоты древнего человека // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2021. – №2 (53). – С. 5–14. (авт. вклад – 0,1 п.л.).

3. Гимранов Д.О., **Котов В.Г.**, Курманов Р.Г., Румянцев М.М. Стоянка верхнего палеолита Сергеевка 1 на р. Нугуш (Южный Урал) // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2012. – Вып. 1 (18). – С. 24–37 (авт. вклад – 0,8 п.л.).

4. Косинцев П.А., **Котов В.Г.**, Пантелеев А.В., Яковлев А.Г. Использование известнякового сырья в верхнем палеолите Урала (по материалам стоянки в пещере Балатукай) // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2018. – Вып. 1 (40). – С. 5–19 (авт. вклад – 0,7 п.л.).

5. **Котов В.Г.** Лошадь, мамонт и человек. Живопись пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Родина. Спец. вып. – 2010. – С. 3–7 (0,5 п.л.).

6. **Котов В.Г.** Пещера Шульган-Таш (Каповая) как историко-культурный феномен // Вестник ВЭГУ. – 2011. – №4 (54). – С. 87–95 (0,5 п.л.).

7. **Котов В.Г.** Палеолитическое святилище в пещере Заповедная на Южном Урале // Российская археология. – 2012. – №2. – С. 15–23 (1 п.л.).

8. **Котов В.Г.** Нижнепалеолитическая стоянка-мастерская Кызыл-Яр 2 в Южном Зауралье // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2013. – Вып. 1 (31). – С. 7–21 (1 п.л.).

9. **Котов В.Г.** Стоянка-мастерская Карышкино-11 – новый памятник нижнего палеолита Южного Урала // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2015а. – №1. – С. 7–20 (1 п.л.).

10. **Котов В.Г.** О начальных этапах заселения территории Южного Урала в нижнем палеолите // Вестник академии наук Республики Башкортостан. – 2018. – Т. 27, №2 (90). – С. 41–51 (0,5 п.л.).

11. **Котов В.Г.** Каменная индустрия верхнего палеолита пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Записки Института истории материальной культуры РАН. – 2021. – №24. – С. 82–91. (0,5 п.л.).

12. **Котов В.Г.**, Румянцев М.М. Феномен использования природных форм в палеолите Евразии: «галечные скульптуры» // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2018. – Т. 2. – №60. – С. 136–151 (авт. вклад – 0,9 п.л.).

13. **Котов В.Г.**, Румянцев М.М., Гимранов Д.О. Стоянка среднего палеолита в пещере Иманай-1 на Южном Урале // Oriental Studies. – 2020. – Т. 13. – Вып. 5. – С. 1271–1291 (авт. вклад – 0,7 п.л.).

14. **Котов В.Г.**, Савельев Н.С. Укрепленное поселение Селек эпохи бронзы в Башкирском Зауралье (итоги исследований 2003 года) //

Археология Евразийских степей. – 2021. – №2. – С. 17–28 (авт. вклад – 0,5 п.л.).

15. **Котов В.Г.**, Савельев Н.С., Русланова Р.Р. Стоянка-мастерская Кусимово-6 – памятник эпохи среднего палеолита в Южном Зауралье // *Oriental Studies*. – 2020б. – Т. 13. – Вып. 6. – С. 1594–1612 (авт. вклад – 0,8 п.л.).

16. Gimranov D.O., **Kotov V.G.**, Rumyantsev M.M., Silaev V.I., Yakovlev A.G., Yakovleva T.I., Zelenkov N.V., Sotnikova M.V., Devyashin M.M., Plasteeva N.A., Zaretskaya N.E., Nurmukhametov I.M., Smirnov N.G., Kosintsev P.A. A Mass Burial of Fossil Lions (Carnivora, Felidae, *Panthera (Leo) ex gr. fossilis-spelaea*) from Eurasia // *Doklady Biological Sciences*. – 2018. – Vol. 482. – Issue 1. – Pp. 191–193 (авт. вклад – 0,05 п.л.).

17. **Котов В.Г.** Гравированные изображения пещеры Шульган-Таш (Каповой), Башкортостан, Южный Урал (Engraved images of the Shulgan-Tash (Karova) cave, Bashkortostan, South Ural) // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. – 2023. – №2 (61). – С. 5–15 (1 п.л.).

18. Гимранов Д.О., Косинцев П.А., Бачура О.П., Жилин М.Г., **Котов В.Г.**, Румянцев М.М. Малый пещерный медведь (*Ursus ex gr. Savini-rossicus*) как объект охоты древнего человека // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. – 2021. – №2 (53). – С. 5–14 (авт. вклад – 0,2 п.л.).

19. **Котов В.Г.**, Савельев Н.С. Нижнепалеолитическая стоянка-мастерская Кусимово-8 (Южное Зауралье) // *Oriental Studies*. – 2022. – Т. 15 (4). – С. 834–848 (авт. вклад – 1 п.л.).

20. **Котов В.Г.** Предметы экстраутилитарной деятельности из коллекции каменных изделий верхнепалеолитической стоянки Сергеевка-1 в Южном Приуралье // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. – 2022. – №1. – С. 50–65 (0,5 п.л.).

21. **Котов В.Г.** Гравированные изображения пещеры Шульган-Таш (Каповой), Башкортостан, Южный Урал (Engraved images of the Shulgan-Tash (Karova) cave, Bashkortostan, South Ural) // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2023. № 2 (61). С. 5-15 (1 п.л.).

Монографии:

22. Древности Башкирского Урала / Н.С. Савельев, **В.Г. Котов**, В.В. Овсянников и др. / Составитель и научн. ред. Н.С. Савельев. – Уфа: Информреклама, 2018. – 216 с. (авт. вклад – 10 п.л.).

23. **Котов В.Г.** Башкирский эпос «Урал-батыр». Историко-мифологические основы. – Уфа: Гилем, 2006. – 408 с. (26 п.л.).

24. **Котов В.Г.** Палеолит, Мезолит // История башкирского народа / М.М. Кульшарипов (отв. ред.). Т. 1. – М.: Наука, 2009. – С. 23–63. Главы колл. моногр. (5 п.л.).

25. Пещерное святилище Шульган-Таш (Каповая) / **В.Г. Котов**, Н.Н. Григорьев, Е.Г. Дэвлет и др. / сост. и отв. ред. В.Г. Котов. – Уфа: Китап, 2019. – 360 с. Режим доступа: <https://www.google.ru/intl/ru/about/products?tab=lh> (авт. вклад – 40 п.л.).

26. **Котов В.Г.** Верования и культы в эпоху камня // Верования и культы древнего и средневекового населения Южного Урала. Археология и этнография Башкортостана. Т. VI: колл. монография / отв. ред. В.В. Овсянников [и др.]. – Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2022. – С. 13–223 (авт. вклад – 14 п.л.).

27. Пещерное святилище Шульган-Таш (Каповая): монография / сост. и науч. ред. **В.Г. Котов**. 2-е изд., исп. и доп. [Электронный ресурс]. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2023. 360 с. URL: <http://rihll.com/files/Knigi/2023/12/Shulgan-Tash-23.pdf> (авт. вклад – 40 п.л.).

Брошюры:

28. **Котов В.Г.** Мифология Южного Урала. (К вопросу о реконструкции хтонических культов) / ИИЯЛ УНЦ РАН. – Уфа: Принт, 1997. – 63 с. (3,5 п.л.).

29. Археологическая экспедиция Якты-Куль – Кусимово «Северные амурь»: научные исследования и Школьный лекторий / Н.С. Савельев, **В.Г. Котов**, Е.А. Ахметова и др. / Отв. ред. и сост. А.В. Псянчин и Н.С. Савельев. – Уфа, Информреклама, 2020. – 44 с. (авт. вклад – 1 п.л.).

Статьи в журналах и сборниках научных трудов:

30. Богданов С.В., **Котов В.Г.** Новая находка произведения монументального искусства на Южном Урале // Проблемы первобытной культуры. – Уфа: Гилем, 2001. – С. 113–117 (авт. вклад – 0,4 п.л.).

31. Богданов С.В., **Котов В.Г.** Верхнепалеолитическая стоянка Лабазы I (Оренбургская область) // Уфимский археологический вестник. – 2008. – Вып. 8. – С. 27–38 (авт. вклад – 0,5 п.л.).

32. Григорьев С.А., Васина Ю.В., Ивасько Л.В., **Котов В.Г.** Создание музея мегалитов на острове Веры // Достояние поколений. – 2008. – №1 (4). – С. 18–23 (авт. вклад – 0,1 п.л.).

33. Григорьев С.А., Ивасько Л.В., **Котов В.Г.** Работы на острове Веры на озере Тургояк // Археологические открытия 2007 г. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – С. 349–351 (авт. вклад – 0,07 п.л.).

34. Данукалова Г.А., Яковлев А.Г., **Котов В.Г.** Возраст, биостратиграфия и археология озерных отложений вторых надпойменных террас рек Южного Предуралья // Геологический сборник №1. Информационные материалы / ИГ УНЦ РАН/ отв. ред. В.Н. Пучков. – Уфа, 2000. – С. 69–72 (авт. вклад – 0,1 п.л.).

35. **Котов В.Г.** Обследование пещерных памятников на Южном Урале // Археологические открытия 1994 г. – М.: Наука, 1995. – С. 214–215 (0,1 п.л.).

36. **Котов В.Г.** Палеолит // Археологические памятники Башкортостана. – Уфа: Гилем, 1996. – С. 8–10 (0,2 п.л.).

37. **Котов В.Г.** Изучение следов палеолита на территории Башкортостана // Археологические открытия 1995 г. – М.: Наука, 1996. – С. 267–268 (0,2 п.л.).

38. **Котов В.Г.** Тайны пещеры Шульган-Таш // Ватандаш. – 1997. – №12. – С. 185–191 (0,5 п.л.).
39. **Котов В.Г.** Почитание пещерного медведя по данным пещеры Заповедная // Проблемы первобытной культуры. – Уфа: Гилем, 2001а. – С. 86–105 (1 п.л.).
40. **Котов В.Г.** Палеолитическое святилище в пещере Шульган-Таш (Каповой) и мифология Южного Урала // Проблемы первобытной культуры. – Уфа: Гилем, 2001б. – С. 54–79 (1,5 п.л.).
41. **Котов В.Г.** Исследование палеолитического слоя в пещере Байсланташ (Акбутинская) // Уфимский археологический вестник. – 2004. – Вып. 5. – С. 36–55 (1,7 п.л.).
42. **Котов В.Г.** Изучение палеолитических памятников в верховьях р. Белой // Археологические открытия 2003 г. – М.: Наука, 2004. – С. 320 (0,1 п.л.).
43. **Котов В.Г.** Костяная рукоятка – уникальное изделие эпохи камня // Уфимский археологический вестник. – 2004. – Вып. 5. – С. 280 (0,1 п.л.).
44. **Котов В.Г.** Древнейшие следы почитания медведя на территории Евразии: к семантике ритуала // Искусство и ритуал ледниковой эпохи. – Луганск, 2005. – С. 114–125 (1,5 п.л.).
45. **Котов В.Г.** Нижнепалеолитическая стоянка-мастерская Кызыл-Яр-2 в Южном Зауралье // Производственные центры: источники, «дороги», ареал распространения. Мат-лы тематич. науч. конф. Санкт-Петербург, 18–21 декабря 2006 г. – СПб: ООО «Элексис Принт», 2006. – С. 14–19 (0,5 п.л.).
46. **Котов В.Г.** Пещера Шульган-Таш (Каповая) // Музей археологии и этнографии: Каталог музейной экспозиции ЦЭИ УНЦ РАН. – Уфа, 2007. – С. 34–35 (0,1 п.л.).
47. **Котов В.Г.** Заповедное святилище // Башкирская энциклопедия. Т. III. – Уфа: Башкирское изд-во «Научная энциклопедия», 2007. – С. 26 (0,1 п.л.).
48. **Котов В.Г.** Игнatieвское святилище // Башкирская энциклопедия. Т. III. – Уфа: Башкирское изд-во «Научная энциклопедия», 2007. – С. 128 (0,1 п.л.).
49. **Котов В.Г.** Эпоха палеолита // Музей археологии и этнографии: Каталог музейной экспозиции ЦЭИ УНЦ РАН. – Уфа, 2007. – С. 30–33 (0,2 п.л.).
50. **Котов В.Г.** Истоки культа медведя на Урале по данным палеолитического святилища в пещере Заповедная на Южном Урале // Урал-Алтай: через века в будущее. Мат-лы III всерос. тюркологич. конф., посв. 110-летию Н.К. Дмитриева (Уфа, 27–28 июня 2008 г.). Т. II. – Уфа, 2008. – С. 115–121 (0,5 п.л.).
51. **Котов В.Г.** Костяная индустрия мустьерской стоянки Новобелокатайская на северо-востоке Башкортостана // Уфимский археологический вестник. – 2008. – Вып. 8. – С. 8–23 (1 п.л.).

52. **Котов В.Г.** Мысовая // Башкирская энциклопедия. Т. IV. – Уфа: Башкирское изд-во «Научная энциклопедия», 2008. – С. 318–319 (0,2 п.л.).
53. **Котов В.Г.** Муллино // Башкирская энциклопедия. Т. IV. – Уфа: Башкирское изд-во «Научная энциклопедия», 2008. – С. 285 (0,1 п.л.).
54. **Котов В.Г.** Пещерное святилище Шульган-Таш (Каповая). Мифологическая структура и семантика изображений // Уфимский археологический вестник. – 2009. – Вып. 9. – С. 5–21 (2 п.л.).
55. **Котов В.Г.** Открытие палеолитической живописи в пещере Шульган-Таш (Каповой): коллизия А.В. Рюмина и О.Н. Бадера // Рюмин Александр Владимирович: история открытия палеолитической живописи пещеры Шульган-Таш (Каповой) в рукописях и документах. (Документальное издание). – Уфа: Информреклама, 2009. – С. 188–194 (0,5 п.л.).
56. **Котов В.Г.** Феномен пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. «Природное и культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс». – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. – С. 43–63 (1,3 п.л.).
57. **Котов В.Г.** Уникальное святилище в пещере Заповедная на Южном Урале: история исследования и гибели // Культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. «Природное и культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс». – Уфа, 2010. – С. 194–220 (1,2 п.л.).
58. **Котов В.Г.** Пещера Бастун в горах Барадоста, Южный Курдистан // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. – С. 127–135 (0,5 п.л.).
59. **Котов В.Г.** Исследования А.П. Шокуровым палеолитических памятников на Южном Урале // «Наследие веков». Вып. 2. Материалы Региональной научно-практической конференции «Историческое краеведение в Башкортостане: история и современность», посвященной 100-летию со дня рождения краеведа-археолога Анисима Павловича Шокурова. – Уфа: Изд-во ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – С. 30–41 (1 п.л.).
60. **Котов В.Г.** Шульган-Таш // Башкирская энциклопедия. Т. 7. – Уфа: Научное изд-во «Башкирская энциклопедия», 2011. – С. 337 (0,1 п.л.).
61. **Котов В.Г.** Охранные раскопки палеолитического святилища в пещере Заповедная // Археологические открытия 2008 года. – М.: ИА РАН, 2011. – С. 360–361 (0,1 п.л.).
62. **Котов В.Г.** Возобновление исследований в пещере Шульган-Таш (Каповой) // Археологические открытия 2008 года. – М.: ИА РАН, 2011. – С. 361–363 (0,2 п.л.).
63. **Котов В.Г.** Стоянки-мастерские нижнего палеолита Кызыл-Яр-2 и Кызыл-Яр-4 в Южном Зауралье // Уфимский археологический вестник. – 2012. – Вып. 12. – С. 4–19 (1 п.л.).

64. **Котов В.Г.** Нижнепалеолитические стоянки-мастерские Кызыл-Яр 2 и Кызыл-Яр 4 в Южном Зауралье // Древнейший Кавказ: перекресток Европы и Азии. – СПб.: ИИМК РАН, 2013. – С. 104–125 (1,5 п.л.).

65. **Котов В.Г.** Исследования многослойной палеолитической стоянки в пещере Шульган-Таш (Каповой) // Проблемы археологии эпохи камня: к 70-летию Валентины Ивановны Беляевой. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. – С. 120–141 (2 п.л.). (Труды исторического факультета СПбГУ. Т.18.).

66. **Котов В.Г.** Проблемы верхнего палеолита Урала и концепция Г.П. Григорьева // Каменный век от Атлантики до Пацифики. – СПб.: МАЭ РАН; ИИМК РАН, 2014. – С. 366–385 (2 п.л.). (Замятнинский сборник. Вып. 3).

67. **Котов В.Г.** Пещера Шульган-Таш (Капова) – центр природно-культурного комплекса «Земля Урал-батыра» // Круглый стол по теме: Башкирский Урал – Земля Урал-батыра. – Уфа: Скиф, 2015. – С. 45–50 (0,5 п.л.).

68. **Котов В.Г.** Пещерное святилище Шульган-Таш (Каповая): структура, следы ритуалов, семантика изображений // Древние святилища: археология, ритуал, мифология: Мат-лы Межд. науч. симпозиума. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. – С. 41–63. (на рус. и англ. яз.) (1,6 п.л.).

69. **Котов В.Г.** Пещера Шульган-Таш (Каповая) в мифологии башкир // Древние святилища: археология, ритуал, мифология: Мат-лы Межд. науч. симпозиума. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016а. – С. 179–198. (на рус. и англ. яз.) (1,5 п.л.).

70. **Котов В.Г.** История взятия под охрану пещеры Шульган-Таш (Каповой) (The history of protection of the Shulgan-Tash (Kapova) cave) // Проблемы сохранения, консервации палеолитической живописи пещеры Шульган-Таш и развитие туристической инфраструктуры достопримечательного места «Земля Урал-батыра»: Мат-лы Межд. науч. симпозиума. – Уфа: НПЦ МК РБ, 2016б. – 160 с. – С. 76–84. (на рус. и англ. языках) (0,7 п.л.).

71. **Котов В.Г.** Пещерное святилище Шульган-Таш (Каповая) как объект Всемирного наследия // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): Мат-лы межд. конф. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2016. – С. 230–238 (0,8 п.л.).

72. **Котов В.Г.** Итоги изучения многослойной стоянки в Купольном зале пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Музеефикация историко-культурного наследия: теория и практика: Мат-лы III Межд. науч. симпозиума. – Уфа: ГБУ НПЦ РБ, 2018. – С. 82–124 (на рус. и англ. яз.) (3 п.л.).

73. **Котов В.Г.** Изобразительная практика, основанная на использовании естественных форм камня и кости в каменном веке Евразии // Уфимский археологический вестник. – 2020. – Вып. 20. – С. 6–35. (3 п.л.).

74. **Котов В.Г.** Пещера Шульган-Таш как первооснова изобразительной практики Урала // «Музеефикация историко-культурного

наследия: теория и практика»: Мат-лы IV и V Межд. науч. симпозиумов. – Уфа: ГБУ НПЦ РБ, 2019. – С. 112–127 (1 п.л.).

75. **Котов В.Г.** Пещера Шульган-Таш как первооснова наскальной изобразительной практики Урала (Shulgan-Tash cave as an origin of the Ural rock art practice) // Музеефикация историко-культурного наследия: теория и практика. Материалы IV и V Международных симпозиумов: Бурзянский район Республики Башкортостан (22-23 июня 2018 года, 7-9 июня 2019 года). Уфа, 2024. С. 112-137 (на рус. и англ.) (0,5 а.л.).

76. **Котов В.Г., Курманов Р.Г.** Палеолитическая стоянка Мысовая и ее место в палеолите Урала // XVI Бадеровские чтения: сб. научн. статей по материалам Всероссийской (с международным участием) научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения О.Н. Бадера (ПГНИУ, 27 ноября-1 декабря 2023 г.) / отв. ред. М.Л. Перескоков, Е.В. Чуйкина; Пермский государственный национальный исследовательский университет). Пермь: ПГНИУ, 2023. С. 132-138 (авт. вклад - 0,3 п.л.).

77. **Котов В.Г., Курманов Р.Г., Николаев С.Ю., Румянцев М.М., Хурмаев А.А.** Новые естественно-научные исследования палеолитических памятников в Южном Зауралье // Уфимский археологический вестник. 2024. Т. 24. № 1. С. 6–27 (авт. вклад – 1 а.л.).

78. **Котов В.Г., Ляхницкий Ю.С., Пиотровский Ю.Ю.** Методика нанесения и состав красочного слоя рисунков пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Уфимский археологический вестник. – 2004. – Вып. 5. – С. 65–71 (авт. вклад – 0,4 п.л.).

79. **Котов В.Г., Непомнящий А.В., Непомнящая О.В., Вараксина В.С.** Фигурка животного из мергеля со Среднего Урала // Уфимский археологический вестник. – 2022. – Вып. 22, № 2. – С. 181–193 (авт. вклад – 0,6 п.л.).

80. **Котов В.Г., Резников Е.Д., Румянцев М.М., Гимранов Д.О.** Комплексные исследования пещер на территории Природного парка «Мурадымовское ущелье» в 2009 г. // Культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс. Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. «Природное и культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс». – Уфа: Изд-во ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. – С. 221–235 (авт. вклад – 0,8 п.л.).

81. **Котов В.Г., Румянцев М.М.** Палеолитическая стоянка-мастерская Акбулатово-3 в горной части р. Белой (Башкортостан) // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2021. – №1 (52). – С. 15–34. (авт. вклад – 0,9 п.л.).

82. **Котов В.Г., Савельев Н.С.** Новый палеолитический памятник в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. – 2001. – Вып. 3. – С. 88–93 (авт. вклад – 0,4 п.л.).

83. **Котов В.Г., Савельев Н.С.** Святилище с человеческими останками в пещере Шульган-Таш (Каповой) // Уфимский археологический вестник. – 2021. – Т. 21, №2. – С. 239–263 (авт. вклад – 0,5 п.л.).

84. **Котов В.Г.**, Савельев Н.С., Румянцев М.М. Разведочные работы в горной части Башкортостана // Известия Археологического общества Республики Башкортостан. Научно-популярный альманах. – 2014. – Вып. 1 (1). – С. 16–17 (авт. вклад – 0,07 п.л.).

85. **Котов В.Г.**, Овсянников В.В., Савельев Н.С. Археологическое наследие уникальных территорий Южного Урала // Вестник АН РБ. – 2022. – Т. 44 - №3 (107). – С. 22–29. (авт. вклад – 0,2 п.л.).

86. Морозов Ю.А., **Котов В.Г.** Археологические исследования в зоне строительства Юмагузинского водохранилища // Вестник АН РБ. – 2001. – Т. 6 - №2. – С. 54–58 (авт. вклад – 0,25 п.л.).

87. Морозов Ю.А., **Котов В.Г.** Памятники археологии в зоне затопления Юмагузинского водохранилища // Экологические аспекты Юмагузинского водохранилища. – Уфа: Гилем, 2002. – С. 173–183 (авт. вклад – 0,25 п.л.).

88. Подурец К.М., Калоян А.А., **Котов В.Г.**, Грешников Э.А., Головова Е.А., Велигжанин А.А., Шушунов М.Н. Исследование красителя палитры из пещеры Шульган-Таш и реконструкция технологии его изготовления // Древние святилища: археология, ритуал, мифология: Мат-лы Межд. науч. симпозиума. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016. – С. 126–133 (на рус. и англ. яз.) (авт. вклад – 0,07 п.л.).

89. Савельев Н.С., Русланов Е.В., **Котов В.Г.**, Русланова Р.Р., Николаев С.Ю., Румянцев М.М., Савельева А.Г., Хурмаев А.А. Предварительные итоги трехлетних работ по изучению кургана № 1 могильники Кусимово-3 и стоянки Кусимово-6 в Южном Зауралье // XVI Бадеровские чтения: сб. научн. статей по материалам Всероссийской (с международным участием) научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения О.Н. Бадера (ПГНИУ, 27 ноября–1 декабря 2023 г.) / отв. ред. М.Л. Перескоков, Е.В. Чуйкина; Пермский государственный национальный исследовательский университет). Пермь: ПГНИУ, 2023. С. 221–225.

90. Яковлев А.Г., Данукалова Г.А., **Котов В.Г.** Возраст, биостратиграфия и археология озерных отложений вторых надпойменных террас рек Южного Приуралья // Геологический сборник. – 2000. – № 1. – С. 69–71 (авт. вклад 0,1 п.л.).

91. **Kotov V.G.** Natural and cultural complex “Bashkir Ural” // World Heritage: HEADS 4: Human origin sites and the World Heritage Convention in Eurasia. – Paris, 2015. – Pp. 142–152 (1 п.л.).